

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Шохуморов Абусаид

**РАЗДЕЛЕНИЕ БАДАХШАНА
И СУДЬБЫ ИСМАИЛИЗМА**

МОСКВА—ДУШАНБЕ

2008

ББК 63.3(5)5
Ш82

*Издание осуществлено по Программе
фундаментальных исследований Президиума РАН
«Адаптация народов и культур к изменениям природной среды,
социальным и техногенным трансформациям»*

Ответственный редактор Н. М. Емельянова
Автор комментариев Д. Худоназаров

Шохуморов А.

Ш82 Разделение Бадахшана и судьбы исмаилизма. Отв. ред. Н. М. Емельянова. — М.: ИВ РАН; Душанбе: ИВ АНТ, 2008. — 128 с.

Книга «Разделение Бадахшана и судьбы исмаилизма» раскрывает малоизученные аспекты российско-памирских отношений и рассказывает о судьбах памирских народов, ставших в XIX веке заложниками «Большой игры», развернувшейся между двумя великими империями — Россией и Великобританией — в памиро-гиндукушском регионе.

Выпуском книги Абусаида Шохуморова Институт востоковедения РАН продолжает издание работ, посвященных истории, традициям и культуре горного Бадахшана. Данная публикация является результатом тесного сотрудничества Группы алано-памирских исследований ИВ РАН и Института востоковедения Академии наук Республики Таджикистан.

ISBN 978-5-89282-348-7 (ИВ РАН)

ISBN 978-99947-55-75-2 (ИВ АНТ)

ISBN 978-5-89282-348-7 (ИВ РАН)

ISBN 978-99947-55-75-2 (ИВ АНТ)

© ИВ РАН, 2008

© ИВ АНТ, 2008

© А. Шохуморов, наследники, 2008

© Н. М. Емельянова, вступительная статья, 2008

© Х. Додихудоев, вступительная статья, 2008

© Д. Худоназаров, комментарии, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. М. Емельянова. Вступление</i>	5
<i>Х. Додихудоев. Абусаид Шохуморов и его научное творчество</i>	7
ВВЕДЕНИЕ	13
1. Религиозно-политическая ситуация в Бадахшане и Шугнане во второй половине XVIII и в XIX веках	23
2. «Ангел смерти» — предвестник «сатанинских интриг»	47
3 «Бухарская территория» под русским управлением.....	55
4. Отношение Советской власти к исмаилизму и «дело о заговоре ишанов». Борьба атеизма и религии.....	85
5. Исмаилизм в современной истории ГБАО	103
6. Тысячелетнее ожидание	107
КОММЕНТАРИИ	110
ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	120

ВСТУПЛЕНИЕ

Выпуском книги Абусаида Шохуморова «Разделение Бадахшана и судьбы исмаилизма» ИВРАН продолжает издание работ, посвященных истории, традициям и культуре горного Бадахшана. Книга «Разделение Бадахшана и судьбы исмаилизма» проливает свет на малоизученные аспекты российско-памирских отношений и судьбы памирских народов, ставших в XIX в. заложниками «Большой игры», развернувшейся между двумя великими империями — Россией и Великобританией — в памиро-гиндукушском регионе. Такие узловые точки на карте, как Памир и Кавказ, и сегодня остаются в центре влияния мировых держав.

Мы познакомились с Абусаидом Шохуморовым на Памире в 1995 году. Это было сложное, во многом переломное время для жителей Бадахшана. Сотни беженцев переместились сюда в результате гражданской войны в Таджикистане. Часть бадахшанцев оказалась вовлечена в деятельность Объединенной таджикской оппозиции (ОТО), некоторые оказались в отрядах ОТО на афганской стороне. Горно-Бадахшанская Автономная Область находилась в экономической блокаде — у людей не было средств к существованию и выживанию, не было хлеба, чтобы накормить своих детей. Именно в это время начались первые поставки гуманитарной помощи по линии Ага-хана IV населению исмаилитских и неисмаилитских регионов ГБАО. И тогда же состоялся первый визит имама исмаилитов Ага-хана IV в Хорог и ряд других населенных пунктов Горного Бадахшана. Население восприняло своего духовного наставника как посланца свыше.

Кроме официальной власти, таджикской оппозиции и исмаилитских фондов на Памире была и еще одна сила, которая играла не менее важную роль, чем остальные — российские погранвойска, несущие здесь службу по соглашению с Правительством Республики Таджикистан. За 100-летний период существования здесь грани-

цы, жители Бадахшана уже воспринимали «зеленые фуражки» как неотъемлемый атрибут повседневной действительности, к тому же в 1990-е годы российские погранвойска, личный состав которых состоял на 80–90% из местных жителей, стали реальной возможностью для выживания многих памирских семей.

Итак, в 1990-е годы Бадахшан находился в состоянии непрерывных перемен, жизнь здесь бурлила, именно в этот период Абусаид Шохуморов и писал свою работу об исторических судьбах бадахшанцев XIX–XX вв. Неспроста книга «Разделение Бадахшана и судьбы исмаилизма» получилась столь эмоциональной, а в оценках роли России и ее борьбы с Великобританией за Памир и российского закрепления в Бадахшане, автор иногда противоречит сам себе. Но если бы Абусаид Шохуморов дожил до наших дней, то стал бы свидетелем вывода погранвойск из Бадахшана и Таджикистана в целом, появления в бывших российских отрядах американских военных инструкторов, потери сотнями его соотечественников работы и реального заработка, бума трудовой иммиграции молодых таджиков в Россию. Но Абусаид не дожил до наших дней, в 1999 году его не стало.

В ИВРАН обратился его брат Саиданвар Шохуморов и руководство АН Республики Таджикистан, предложившие совместными усилиями издать книгу «Разделение Бадахшана и судьбы исмаилизма». Нам показалось, что многие факты, приведенные в ней, представляют интерес для современного памироведения, и руководство ИВРАН приняло решение о публикации книги в рамках программы «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

*Н. М. Емельянова,
руководитель Группы алао-
памирских исследований ИВРАН*

АБУСАИД ШОХУМОРОВ И ЕГО НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Абусаид Шохуморов (1955–1999) был большим знатоком памирского исмаилизма, его религии и философии, традиции, иерархии духовенства и исторической судьбы. Он ушел из жизни совсем молодым. Судьба не оказалась к нему благосклонной. Она не дала ему возможность осуществить его мечты написать большой научный труд по истории и философии исмаилизма в Центральной Азии. Собранный им по этой теме материал остался несистематизированным, разрозненным и непригодным для печати. Настоящий труд представляет собой только фрагмент из всего того, что было задумано этим талантливым молодым ученым.

Абусаид Шохуморов с детства был знаком с исмаилизмом. Родившись в семье сейидов, Абусаид по традиции получил религиозное образование, обучаясь у родного дедушки арабской грамоте, и еще до поступления в советскую школу наизусть знал Коран, учения ислама, шиизма и исмаилизма. Однако он не стал фанатичным верующим и иной раз позволял себе полемизировать даже с родным отцом по тем или иным религиозным проблемам. Мне как его научному руководителю по кандидатской диссертации иногда казалось, что Абусаид стопроцентный атеист. Но это было не так. Он хорошо знал догматику исмаилизма, религиозные обряды и обычаи исмаилитов, но был свободомыслящим ученым-философом. Для него Истина всегда была важнее, чем личные интересы или интересы исмаилитской общины. Это затрудняло его общение с коллегами, особенно с теми, кто не очень понимал его.

Абусаид отлично знал генеалогию исмаилитских имамов и родословную всех или почти всех сейидов Бадахшана, их место и роли в иерархии местной исмаилитской общины и мог оценить каждого по достоинству. Абусаид прекрасно знал политическую историю Бадахшана, и каждое упущение исследователей раздража-

ло его. Но время, в котором он жил и стал писать научные труды или выступать с докладами, не позволяло Абусаиду сказать правду. Эту правду он попытался реализовать при наступившей демократии и свободе творчества, но, увы, жизнь его оборвалась в самом начале пути.

Абусаид был истинным горцем, и как горец он был человеком эмоциональным и в определенной степени даже импульсивным. Этот недостаток ученого чувствуется и в настоящей работе. Его оценка политики двух соперничающих империй — России и Великобритании — в отношении Бадахшана и прилегающих к нему стран, а также его оценочный взгляд на работы предшествующих ему исследователей этой проблемы носят на себе печать личности Абусаида.

У исмаилизма, как ответвления (фирка) шиитского ислама и его последователей, с самого начала движения, сложилась трагическая судьба. Судьба исмаилизма, о которой идет речь в работе Абусаида, — это продолжение исторической судьбы этого религиозного течения на протяжении долгих столетий. Исмаилизм был самой преследуемой сектой ислама в истории почти всех империй, как мусульманских, так и немусульманских. О ней сочиняли легенды, мифы, лживые рассказы. В них исламские средневековые ересиологи, христианские крестоносцы, а затем и некоторые нечистоплотные исследователи XX в., опираясь на своих средневековых предшественников, приписывали исмаилитам терроризм и многие аморальные качества. К сожалению, временами эти легенды вновь и вновь повторяются, несмотря на обилие научных исследований, опровергающих эти вымыслы, и на доступность исмаилитских первоисточников на многих языках мира.

Один из ведущих современных русских исследователей исмаилизма и переводчик сочинений исмаилитских мыслителей на русский язык А. В. Смирнов пишет: «Среди многочисленных открытий нашего века мы можем по праву числить и открытие миром исмаилитской философии. Долгие столетия окруженная ореолом тайны, породившей шлейф подчас фантастических и не всегда

дружелюбных легенд, эта едва ли не самая загадочная из исламских шиитских сект лишь в последние десятилетия позволила опубликовать сочинения столпов своей теоретической мысли»*.

О причинах преследования исмаилитов в средневековых мусульманских империях академик АН РТ М. Диноршоев пишет: «Это явление (преследование. — Х.Д.) было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, исмаилиты нового призыва, возвещающая о счастье, справедливости и равноправии, тем самым привлекали к себе внимание различных слоев общества. Во-вторых, из всех религиозных направлений, сект и школ только исмаилизм призывал к сопротивлению сельджукидским захватчикам. Этот патриотический призыв исмаилитов был положительно воспринят широкой автохтонной массой людей, патриотически настроенной аристократией и возглавлен такими истинными патриотами, как Насири Хусрав. Исходя из этого, с уверенностью можно сказать, что преследование и притеснение Насира Хусрава Сельджукидами наряду с конфессиональными имело и политические причины»**. Отмечу, что речь идет о так называемых «ассасинах», легенды о которых продолжают «работать» до сих пор.

И ещё: «Примечательно, что популярная легенда, много веков кочующая из одного сочинения в другое, свела вместе самых выдающихся представителей средневековой учености и основателя нового исмаилитского государства. У малахида (еретиков) была именно такая репутация, что всякий интеллектуал той эпохи причислялся к ним. Содружество мыслителей-энциклопедистов, известных как “братья чистоты”, и современники, и потомки считали близким к вольнодумной секте. Первый классик новой персидской поэзии Рудаки, живший в IX–X веках, открыто заявлял

* Смирнов А. В. Формула совершенства: завершенность круга // Хамид ад-дин аль-Кирмани. Успокоение разума. Предисловие, пер. с арабского и коммент. А. В. Смирнова. М.: Ладомир, 1995. С. 5.

** Диноршоев М. Насири Хусрав и его «Зад ал-мусафирин» // Носири Хусрав. Зад ал-мусафирин. Припасы путников. Пер. с таджикского (персидского), вступит. статья и коммент. М. Диноршоева. Душанбе: Нодир, 2005. С. 12.

о своей преданности фатимидским халифам. То же можно сказать и о Фирдоуси. В своей знаменитой сатире на султана Махмуда Газневи он писал:

*Я знаю, шептуны злорадно донесли,
Что для меня пророк — отверженный Али.
И ты тогда сказал, что песнь моя пропета,
И под ноги слону швырнуть велел поэта.
Ну что же, сознаюсь: я признаю Али
Чистейшим из людей алаховой земли.
Хотя б меня сожгли, иль посадили на кол —
Не только Мухаммад, но и Али — мой факел!*

Ибн Сина познакомился с философией благодаря исмаилитским миссионерам, добравшимся до его родного селения под Бухарой. Некоторые историки придерживаются версии, согласно которой Авиценна вырос в исмаилитской семье*. Во всяком случае, святоши всю жизнь подозревали его в принадлежности к исмаилитам. Если труды величайшего энциклопедиста Средневековья, послужившие для Европы идейным мостом к наследию классической древности, давали ортодоксам повод для таких “подозрений”, то вполне уместно думать, что ненависть к исмаилизму порождалась комплексом интеллектуальной неполноценности. Что лучше иных доказательств говорит о передовом характере исмаилитского вероучения, опиравшегося на многовековую мудрость народов Месопотамии, Египта, Эллады. И недаром, искореняя “зловредную ересь”, противники первым делом жгли исмаилитские библиотеки — как это было в Каире, когда Саладин сверг династию Фатимидов**. Монголы же сожгли огромную библиотеку Аламута и тем самым нанесли большой урон культуре исламского Востока.

Эти замечания не имеют прямого отношения к работе А. Шохуморова. Но без них трудно понять издевательское отношение бу-

* Болтаев М. Н. Абу Али ибн Сина — Великий мыслитель, ученый-энциклопедист средневекового Востока. М., 2002. С. 16–17.

** Плеханов С. Открытая ладонь. Ага-Хан и его мюриды. М., 2006. С. 62–63.

харских и афганских чиновников к памирским исмаилитам.

Мне представляется, что, несмотря все трагические последствия разделения Бадахшана между Россией и Великобританией, в конечном счете оно избавило исмаилитов таджикского Бадахшана от издевательств со стороны Бухары и Афганистана и присоединение Памира к России в тех условиях, о которых в работе А. Шохуморова идет речь, имело положительное значение.

*Х. Додихудоев,
член-корреспондент
АН Республики Таджикистан*

ВВЕДЕНИЕ

Соперничество двух империй — Британской и Российской — в XIX в. за господство в Азии заставляло правительства этих держав расходовать огромные средства для открытия и покорения все новых территорий, стран и народов. Англичане, как явствует из архивно-исторических документов эпохи колониальных захватов, стремились к захвату Средней Азии, уже во многом находящейся под контролем России, тогда как русские, наоборот, намеревались пробиться к Индии. На пути у обеих держав стоял высокогорный и труднодоступный во всех отношениях Памир.

Надо отдать им должное: эти великие державы не знали и не боялись непроходимых преград и невероятных трудностей. Они, как бы соревнуясь, приступили с огромным усердием и настойчивостью к всестороннему изучению Памира и взбирались на «Крышу мира».

В этой связи один из первопроходцев Памира, военный топограф капитан Александрович, выступая 3 декабря 1894 г. на Ташкентском военном собрании, говорил следующее: «Страны, лежащие в глубине центральной Азии, у истоков величайшей реки Аму¹, текущей с высот Памира в Аральское море, и известной еще в глубокой древности под именем Окса, всегда представляли многосторонний интерес и привлекали внимание ученого мира. Но, несмотря на это, названные страны остаются для нас до настоящего времени чрезвычайно мало или даже совершенно неизвестными... Если верны сказания, что истоки Аму-Дарьи были колыбелью рода человеческого, а сама река одной из рек Адамова рая, то нельзя не заметить, что они имеют блестящее прошлое, и что изучение их представляет громадный научный интерес» [5]. Или же словами

другого участника памирской экспедиции Н. Ф. Федорова²: «Памир то же самое для знания, что Голгофа для веры» [78, 237].

И действительно, этими военно-топографическими экспедициями были заложены основы научного изучения Памира, превратившегося позже в самостоятельное направление востоковедческой науки — памироведение.

Начиная со второй половины XIX в. и до 1895 г. Ост-Индской компанией с юга и Туркестанским генерал-губернаторством с севера были организованы и отправлены в этот регион многочисленные военно-топографические экспедиции с целью научно-географического, этнографического изучения народов данной территории, а также определения главного водораздела между Гиндукушем и Памиром, чтобы по нему провести новую политическую границу.

Так началось двустороннее восхождение на Памир. Надо отметить, что по своему значению вторая задача — проведение политической границы — всегда выступала на первый план, так как имела военно-политическое и стратегическое значение для обеих сторон. Ибо, как писал тот же Александрович, «благодаря своему географическому положению между среднеазиатскими владениями России и индийскими владениями Англии, страны, лежащие на истоках Окса, приобретают все большее и большее политическое значение, как узкая полоса, разделяющая две великие державы... Значение этих стран далеко не исчерпывается тем научным интересом, который они представляют, а заключается главным образом в той роли, которую они будут играть в отношениях России и Англии» [5].

В результате завоевания большей части Средней Азии и фактического превращения Бухарского ханства в вассала Российской империи «английские правящие круги, из боязни перед наступающими войсками русского царизма, первые дали тон в отношении установления нейтральной территории. Царское правительство пошло навстречу партнеру по дележу колоний, оно выразило готовность признать нейтральную территорию» [26, 94].

Другой член военной экспедиции Н.Ф. Федоров, ставший впоследствии известным философом, стремясь по-своему, философски, обосновать занятие Памира русскими и англичанами, писал: «Константинополь и Памир будут фокусами столкновения континентальной (имеется в виду России. — А. Ш.) и океанической (т.е. Англия. — А. Ш.) сил... Но не надо забывать, что рубежи Индии, возвышенность Памира с ее окрестностями, есть место одинаково священное как для нас (русских. — А. Ш.), так и для англичан, и после Палестины и Византии нет места на земле более священного; здесь покоятся забытые предки всех арийских и анарийских племен. От того будем ли мы и англичане понимать значение этого священного места, на котором предстоит наша встреча, проникнет ли в нас чувство ужаса при одной мысли, как бы не осквернить ту почву, в которой столько тысячелетий покоится прах наших предков, через которых мы и англичане — братья, от этого зависит, будет ли на этих священных местах заключен мир и союз, или же прах предков обгадится кровью потомков, и быть может, колыбель рода человеческого сделается и могилою его...» [78, 340]. Но, к счастью, до этого не дошло, ибо обе стороны достигли того, чего хотели...

Поднявшись на «Крышу мира», они четко увидели контуры Гиндукушского хребта, разделявшего две горные системы. Но, как выяснилось потом, он (как граница) не устраивал ни тех и ни этих, так как по «ошибке природы» хребет располагался ближе к Индии, и за ним русские могли угрожать интересам англичан в любое время.

Необходимо было определить границу. Англичане с присущим им упорством настаивали на том, чтобы «водоразделом» стала настоящая вода — река Пяндж, мотивируя это тем, что когда есть такая удобная для них естественная граница, зачем лезть в горы?!

Русских же это никак не устраивало, ибо они в таком случае лишились бы находящейся за рекой земли, так как Пяндж разделял все памирские княжества, расположенные по обоим его берегам — Вахан, Ишкашим, Шугнан, Рушан и Дарваз — на две части, лучшая из которых осталась бы за чертой предлагаемой границы. Поэтому

они очень долго (с 1872 по 1895 гг.) ждали удобного момента для пересмотра достигнутых с англичанами соглашений относительно демаркационной линии, проведенной по Пянджу. Но такой момент так и не наступил.

Местные правители этих княжеств хотя и назывались ханами, но в действительности не играли никакой роли в определении собственной участи и судьбы народов своих стран.

Они прекрасно понимали и постоянно чувствовали, что признаются «правителями» у своих подданных только благодаря крайней жестокости и деспотизму. Народ никогда их не считал «своими», ибо главным критерием определения «своих и чужих», в условиях мусульманского Востока, была религия, в чем они коренным образом расходились между собой: народы упомянутых стран были приверженцами исмаилитского толка шиизма, а их правители — суннизма. Это было главной причиной постоянно вспыхивающих волнений и междоусобиц в этих краях. И, как верно замечает академик Б. И. Искандаров³, «это послужило причиной крайне пренебрежительного отношения к горцам со стороны всех исповедовавших правоверный суннизм, приверженцами которого была большая часть жителей Бухары, Афганистана, Бадахшана, Кашгарии и Кокандского ханства» [29, 30].

В итоге, вопреки законам человеческой морали и природно-географической структуры ландшафта, река Пяндж была признана как политическая линия, разделяющая сферы влияния и интересов двух супердержав того времени — Англии и России.

Местных правителей игнорировали вовсе. Их даже формально не включили в состав комиссии по определению границы на Памире, для которой «Правительство Её Величества предлагало назначить смешанную англо-русскую комиссию, в которой должен участвовать в какой-либо форме, по соглашению между обеими державами, афганский комиссар или эксперт. Комиссия должна выяснить географические и исторические пределы Бадахшана и Вахана, а также Бухары, поскольку сия последняя предъявляет претензии на территории, лежащие на левом берегу Аму-Дарьи... [и

далее] комиссия должна исследовать географические условия Памирских округов с тем, чтобы определить, какая часть этой никому не принадлежащей территории, по справедливости должна входить в сферу влияния Англии» [99, 49]. То есть этим Англия игнорировала существование независимых владений — Бадахшана, Вахана, Шугнана, Рушана и Дарваза⁴, объявив их «никому не принадлежащими памирскими округами»!

Хотя в момент составления этой директивы Шугнан, Рушан и Вахан были еще не завоеваны афганскими войсками и оставались независимыми, тем не менее, английские правящие круги уже вынесли свой вердикт относительно их дальнейшей судьбы, объявив, что им «было бы трудно допустить, чтобы Рушан и Шугнан принадлежали какой-нибудь другой державе или владетелю, кроме эмира (афганского)»! [99, 211]. В осуществлении этой политики большая заслуга принадлежит в первую очередь военным специалистам — топографам, инженерам, офицерам разведслужб этих держав.

В данной работе мы не будем затрагивать «английскую территорию» и ограничимся только «русской», ибо судьба Памира, начиная с 1873 г. — со времени первого англо-русского соглашения о разграничении «сфер влияний» в этом районе неразрывно связана именно с русскими, сыгравшими решающую, положительную роль в истории памирских народов этого периода. В ходе данного исследования мы покажем это на исторических примерах, зафиксированных в многочисленных архивных документах и материалах исследований, проведенных за более чем столетний период.

Историческому освещению данного вопроса посвящена огромная научно-исследовательская литература, относящаяся как к дореволюционному периоду истории Памира (1895–1917), так и послереволюционному. Эти исследования на протяжении многих лет выполнялись главным образом русскими и таджикскими учеными. Мы в своей работе остановимся исключительно на освещении истории религиозной жизни Бадахшана с использованием как научных исследований, так и новых исторических документов и архивных материалов.

Русские, может быть, и не появились бы на Памире, если не одно обстоятельство. Для того, чтобы понять суть вопроса, необходимо совершить краткий экскурс в историю. Начиная с XVII в. на огромном памирском плато стали появляться киргизские кочевники, которые пасли свои стада на бескрайних пастбищах Восточного Памира. Но так как они были выходцами из Кокандского ханства, то после покорения его русскими в 1875–1876 гг. Восточный Памир (Мургаб) как бы автоматически вошел в состав территории Туркестанского края, управляемого русским генерал-губернатором. Но юридически это не было оформлено никакими документами как со стороны кокандских ханов, так и новых колониальных властей. Поэтому утверждение Л. Н. Харюкова, что «царское правительство претендовало на территории Восточного и Западного Памиров, так как они были исконными владениями кокандских ханов и бухарских эмиров» [83, 49], не соответствует исторической действительности. Как известно, эти страны были «упразднены» англичанами и русскими в результате англо-русской договоренности 1872–1873 гг. и часть их территорий была «подарена» Афганистану, а другая часть — Бухаре, о чем они и не подозревали.

Но случилось так, что после падения Кокандского ханства некоторые местные правители из Коканда и Ферганской долины бежали на Восточный Памир — в Алайскую долину — с целью присоединения к недовольным каракиргизам. В 1876 г. многие шайки кипчаков и каракиргизов во главе со старшим сыном «алайской царицы» Курбанджандатхи⁵ — Абдуллобеком (бывшим кокандским беком на Алае) — открыто выступили против русских. Это обстоятельство побудило Туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана⁶ принять соответствующие меры. Первоочередной мерой было снаряжение и отправление военно-научной экспедиции под начальством генерал-майора М. Д. Скобелева⁷ в августе 1876 г. Она состояла из 5 рот и 3 сотен казаков, 2 конных стрелковых полурот и 3 горных орудий. Её задачей было покорение Восточного Памира. Но в силу ряда обстоятельств миссию выполнил майор (а впоследствии генерал-майор) М. Е. Ионов⁸ (1846–1923). Он поголовно раз-

бил отряды сыновей «алайской царицы» — Абдуллобека и Махмудбека, которые сбежали в Афганистан. Сама царица попала в плен⁹, но русские обошлись с ней ласково и признали ее владельцем Памира. Вскоре она вызвала своих сыновей, и один из них — Махмудбек — вернулся¹⁰, а Абдуллобек остался в Кабуле, где и умер. Махмудбек был назначен русскими волостным управителем Алая.

После этих событий в 1877 г. на Восточный Памир был отправлен военный топограф Н.А. Северцов¹¹ для проведения рекогносцировки и определения границ вновь захваченного района, которому, как пишет академик Б.И. Искандаров, «удалось исследовать те внутренние части Памира, которые до него никто из европейцев (кроме Марко Поло в XIII в.) не только не посещал, но и издали не мог наблюдать» [29, 10]. Кроме него в том же году на Памире побывала другая группа военных под начальством полковника П. П. Матвеева.

Таким образом, Восточный Памир был завоеван и присоединен к Туркестанскому краю Российской империи. Это было прямое последствие англо-русского договора 1872–1873 гг., который признавал огромные территории, лежащие между Афганистаном на юге и Бухарой на севере, «буферными» между двумя державами. Поэтому английские власти считали это вполне законным. Относительно чего посол Англии в Петербурге Роберт Марьер¹² писал тайному советнику Шишкину 15 февраля 1893 г. следующее: «Обе державы имели намерения освободиться от обязательства, направлять наши движения так, чтобы не придать им характер враждебного или агрессивного действия относительно друг-друга, и русские, вследствие этого, всегда могли считать подступы к Алаю столь же безопасными от вмешательства с нашей стороны, поскольку мы считали себя вправе рассматривать подступы к Гиндукушу... безопасными от вмешательства России» [99, 49].

В ответ на этот шаг русских англичане захватили Кашмир и готовились к покорению других мелких княжеств, расположенных на склонах Гиндукуша. Покорение русскими Восточного Памира (Алая) сильно обеспокоило англичан, и они поставили вопрос

о пересмотре основных положений договора 1872–1873 гг. И как писал лорд Розбери¹³ в своем письме от 24 апреля 1893 г. на имя русского посла в Лондоне Стая, «пришло время пересмотреть этот договор, ибо в момент его заключения обе империи были на таком расстоянии одна от другой, которое, как мы легко могли подумать, не будет пройдено нами в течение столетия, но история шла скорее, чем мы предполагали, и ближайшее изучение ее обнаружило неточность нашей географии» [100, 210].

Свои «неточности» как англичане, так и русские хотели «исправить» на деле руками своих вассалов — Афганистана и Бухарского эмирата. Но так как Бухарский эмират был намного слабее Афганистана во всех отношениях, инициатива с самого начала перешла в руки англичан. Они хорошо снарядили эмира Достмухамедхана¹⁴, и он захватил все территории, расположенные от Герата на западе и до Бадахшана на востоке, — так называемый район «афганского Туркестана» — и присоединили «Чар-Вилаят» к своим владениям, несмотря на то, что это шло вразрез с договором 1872–1873 гг.

После занятия Восточного Памира русские вышли прямо на рубежи западнопамирских владений — Вахана, Шугнана, Рушана, Дарваза — и приступили к изучению этих стран как в военно-политическом, так и в историко-культурном отношении. Этому придавали большое значение тогдашние генерал-губернаторы Туркестана. В качестве примера можно привести отрывок из письма Туркестанского генерал-губернатора начальнику генштаба военного министерства Н. Н. Обручеву от 20 июня 1884 г.: «Вопрос о географическом положении полузависимых бекств, находящихся в бассейне верховьев Аму-Дарьи и служивших разделительной полосой между нашими и афганскими владениями, уже с давних пор представлял большой интерес. И хотя покойный генерал-губернатор фон Кауфман придавал огромное значение сохранению независимости этих стран, составляющих в то время вместе с Бухарой нейтральную территорию между Россией и Англией в Средней Азии, но до последнего времени не было сделано попыток к ознакомлению с географическим положением этих стран» [98, 12].

Это письмо написано после возвращения доктора Регеля из Шугнана, где он побывал в течение нескольких месяцев в 1882 г. Путешествие этого человека стало роковым для Шугнана, поэтому остановимся на нем более подробно, чтобы понять суть вопроса и всей трагедии Шугнана, о чем речь пойдет далее. А пока приступим к рассмотрению предыстории «памирского вопроса».

1. Религиозно-политическая ситуация в Бадахшане и Шугнани во второй половине XVIII и в XIX веках

Чтобы понять предлог и причины захвата Бадахшана афганскими войсками, мы должны рассмотреть религиозно-политическую ситуацию в Бадахшане и Шугнани накануне этих событий, для чего мы вернемся на несколько лет назад.

Присоединение «северных территорий» к Афганистану началось в 1850 г., когда при всесторонней поддержке англичан эмир Достмухаммедхан покорил г. Балх и назначил своего сына Афзалхана наместником этой провинции. Он, в свою очередь, расширил границы своих владений за счет покорения Кундуза и отсюда неоднократно предпринимал набеги на Бадахшан, где в то время правил мир Джаяхандаршах — последний из потомков мира Ербекхана Самарканди. Он не хотел терять власть и портить отношения с Афзалханом и согласился платить дань афганскому эмиру в размере двух рупий с каждого дома и передать ему рубиновые и лазуритовые копи, что было давно в планах всех предыдущих правителей и наместников Балха.

После того как Шералихан¹⁵ в 1869 г. одержал победу над своим противником Абдурахман-ханом¹⁶ и заставил его бежать в Среднюю Азию, он объявил себя эмиром Афганистана и приступил к налаживанию «добрососедских» отношений с Бадахшаном. С этой целью он женился на дочери Джаяхандаршаха и подарил ему несколько тысяч рупий. Позже к нему направил посла с пожеланием сохранения прежних обязательств на счет дани. На это Джаяхандаршах не согласился и ответил категорическим отказом. Тогда афганский эмир начал искать пути избавления от непокорного родственника. При прямой военной поддержке афганского эмира

племянник бадахшанского мира Махмудшах сверг своего дядю в 1869 г. и объявил себя правителем Бадахшана, обязавшись платить афганскому эмиру 15 тысяч рупий в год. Свергнутый Джаяндаршах поехал к своему зятю Юсуфалихану — правителю Шугнана, который был женат на его дочери, с надеждой получения помощи в восстановлении утраченной власти, ибо Джаяндаршах когда-то посадил на шугнанском троне Абдурахимхана — отца Юсуфалихана. Из Шугнана он предпринял отчаянные попытки вернуть себе трон, но все они оказались тщетными. Более того, это расценивалось англичанами как «попытка вмешательства во внутренние дела Бадахшана» [26, 95].

Под предлогом отпора стремлениям Джаяндаршаха афганский эмир с каждым годом наращивал численность своих войск в Бадахшане, и к началу 1870 г. их насчитывалось 4 тысячи человек (под командованием генерала Саид Ахмадхана).

Таким образом, упразднив Бадахшан как самостоятельное государство, его насильственно включили в состав владений эмира Абдурахманхана, а Джаяндаршаха объявили вне закона. Поэтому он был вынужден попросить политическое убежище у русских и в 1872 г. переехал на русскую территорию, где ему был определен для жительства город Уч-Курган в Ферганской долине и было пожаловано годовое содержание в 1500 рублей. Русские категорически отказались оказать ему какую-либо помощь в деле возвращения его владений, не желая нарушать дипломатических отношений с англичанами. Это наглядно продемонстрировал тогдашний министр иностранных дел России А. М. Горчаков* в своем спецотчете от 24 января 1872 г. к английскому послу, где говорилось: «Афганский эмир достиг завоевания верховной власти над Бадахшаном и добился от начальника (имеется в виду Махмудшах — афганский наместник. — А. Ш.) и населения одного формального выражения покорности. Эмир Кабула имел право навязать этой провинции ту форму правления, которая казалась ему наиболее соответствующей

* А. М. Горчаков — министр иностранных дел России в 1798—1883 гг.

тогдашнему положению дел. Пользуясь этим правом, он назначил местного губернатора» [26, 95].

Джахандаршах жил у русских недолго. В 1878 г. «он был убит неизвестными лицами» [10, 34]¹⁷. Этих «неизвестных», по всей вероятности, возглавлял хорошо известный английский агент Мирза¹⁸, который, как сообщал Керзон, «был одним из тех “безымянных” агентов английской разведки, который под именем “Мирзы” отправился из Кабула в декабре 1868 г. с поручением майора Т. Монгомери, инспектора Тригонометрического отдела, проникнуть в верховья Окса и на своем пути в Кашгар пересек Памир с запада на восток» [26, 87]. Но надо признать, что этот «безымянный Мирза» увековечил свое имя не только тем, что под его руководством и при его непосредственном участии были устранены мир Джахандаршах, Махмудшах и позже шугнанский правитель Юсуфалихан (в 1883 г.), но он стал еще и соавтором «Та’рихи Бадахшан»¹⁹ («Истории Бадахшана»), начатой Санг Мухаммадом Бадахши, — известного источника по истории Памира XIX в.²⁰ С убийством Джахандаршаха был положен конец существованию рода Ербекханидов, которые правили в Бадахшане с начала XVII в. Ербекхан Самарканди был назначен наместником в Бадахшане после его захвата Убайдуллаханом Шейбани. Но впоследствии он объявил себя независимым и, таким образом, стал родоначальником миров Бадахшана, которые правили почти два века. Но в данной работе этот вопрос затронут не будет. Надо также подчеркнуть, что хотя рассматриваемые нами события и относятся к новейшей истории (вторая половина XIX в.), но из-за отсутствия достоверных источников и исторических хроник местных авторов очень трудно точно определить даже годы правления того или иного правителя. Это и стало причиной большой путаницы, встречаемой в исследованиях, посвященных истории Памира.

Еще во времена Ахеменидов²¹ иранскими народами былработан принцип «местной автономии», как бы мы его называли сегодня. Имеется в виду то, что ахеменидские шахиншахи признавали полную самостоятельность каждого кишвара (страны),

входившего в состав огромной империи. Местные правители тогда назывались «шахами», над которыми стоял «шахиншах». По такому принципу было построено государство Сасанидов и позже Саманидов²², в состав империи которых Бадахшан, Шугнан и Вахан входили на правах самостоятельных кишваров.

После падения Саманидов в конце X в. и постепенной тюркизации всех исконно иранских городов и стран, главным среди которых был Хорасан, Бадахшан вышел из состава государства Газневидов²³ и сохранил свою независимость до начала XVI в., когда тимуриды²⁴, сефевиды²⁵ и шейбаниды²⁶, сменяя друг друга, захватывали Бадахшан и присоединяли к своим владениям. Свергнутый и казненный в 1466–1467 гг. султан Мухаммедшах был последним из местных независимых шахов Бадахшана, который, как подтверждают источники, возводил свою родословную к Дарию и Александру Македонскому.

Когда тимурид Абусаид сверг Мухаммедшаха и увез в Герат, он имел при себе свою родословную, этот своеобразный паспорт, который видели Джами* и Навои. Согласно этому документу, его род шахствовал в Бадахшане на протяжении 2700 лет! Дальнейшая судьба этого уникальнейшего исторического документа неизвестна. После казни султана Мухаммедшаха в Бадахшане правили представители рода Бабуридов**.

Во времена султана Мухаммедшаха народ Бадахшана исповедовал исмаилизм, который был распространен там и X в. Дело в том, что Наср II ибн Ахмед Самани (914–947) стал исмаилитом и сделал его официальной идеологией в своей империи. Так как Бадахшан тоже входил в состав империи Саманидов, тамошние шахи также приняли это учение и распространили на своей территории. И это было еще задолго до приезда в Бадахшан Насира Хусрава***.

* Нур ад-Дин Абд ар-Рахман Джами (1414–1492) — поэт и мыслитель.

** Подробно об этом см.: Бартольд В. В. Работы по исторической географии. Бадахшан. — В. В. Бартольд. Соч., т. IV. М., 1965, с. 343–346.

*** Насир Хусрав — классик персидской литературы (1004 — ок. 1080). Вопрос приезда в Бадахшан Насира Хусрава освещен нами в отдельной статье [103,

Таким образом, начиная со второй половины X в. и до начала второй половины XV в. исмаилизм был неуклонно исповедуемым на территории всего Бадахшана. Это доказывается как творчеством самого шаха, который был и поэтом (имел «Диван»), так и присутствием большого числа знаменитых поэтов, философов и ученых-исмаилитов при его дворе. Один из них — Гиясиддин Али ибн Амиран ал-Исфахани — был философом, ученым и поэтом. Он сочинил даже трактат по математике в стихотворной форме. Хорошо известна книга «Данешнаме́е джахан» как своего рода ответ на «Данешнаме» Ибн Сины. Другое его произведение известно под названием «Сивушаш сахифа» и опубликовано в Иране Хушангом Уджаки в 1961 г. Оно было написано Гиясиддином Исфахани в 1452 г. в Бадахшане. Другие трактаты этого философа также хорошо известны среди исмаилитов в Бадахшане и сегодня. Некоторые из них описаны в Каталоге исмаилитских рукописей, составленном А. Бертельсом и М. Бакоевым*.

Но как уже было сказано выше, в XVII в. Бадахшан после смены многих иноземных правителей попал под власть представителей другого чужеземного рода Ёрбекханидов из Самарканда, которые исповедовали суннизм, как и их предшественники — шейбаниды и бабуриды. И с тех пор религиозная вражда и нетерпимость завоевателей к местному населению стала одной из главных причин резкого социально-политического и культурного упадка в Бадахшане. Именно в результате этих перемен исмаилизм, просуществовавший там почти 500 лет, был отменен и объявлен еретическим. Об этом говорят многочисленные документы, относящиеся к началу XVI в. и последующих времен. Об этом свидетельствуют также вакуфские документы XVI–XVII вв., обнаруженные и опубликованные Халиллуллом Халили в Кабуле в 1959 г.**

142–152] и здесь не будет затронут, так как это не входит в задачу данного исследования.

* Бертельс А. Е., Бакоев М. Каталог исмаилитских рукописей, собранных в ходе экспедиций 1959–1963 гг. на Памире. М., 1963.

** Об этом см.: Халиллуллах Халили. Йомган. Кабул, 1959, с. 2–15.

В этой работе, в частности, говорится о том, что земли, расположенные вокруг гробницы Насира Хусрава, были пожалованы в качестве вакуфа шейхам мазара, от которых требовалось, чтобы они благословляли завоевателей. Насир Хусрав же был объявлен суннитским святым, и над его могилой была сооружена гробница, что запрещалось делать согласно канонам памирского исмаилизма.

С тех пор и началась постоянная непримиримая борьба между суннитскими правителями с одной стороны, и исмаилитским населением и пирами — с другой. Этот факт имеет особое значение во всей истории исмаилитов Памира после XVI в.: в собственной стране они были объявлены неверующими и в собственном доме не могли открыто говорить о делах своей религии!

С этого момента начинается переселение исмаилитских пиров и их родственников в соседние области современного северного Пакистана, где они хотя и были на правах беженцев, но активно пропагандировали и распространяли свое учение, что в большинстве случаев увенчалось успехом. Об этом говорится в исторических хрониках, посвященных истории Хунзы, Читрала*. В отличие от тюрко-узбекских завоевателей и их наместников сефевиды после захвата Бадахшана стремились к тому, чтобы не допускать проявления недовольства со стороны феодальной верхушки страны, и с этой целью назначили потомков бывших местных властителей на высокие должности, превратив их в главную опору своей власти. Они сохранили за ними также титул «шах». Взамен от них требовалось содействовать распространению шиизма и суннизма вместо исмаилизма на территории Бадахшана.

С этой целью местные «шахи» были также причислены к составу сейидов — потомков пророка Мухаммеда. Сефевидские правители узаконили это в выданных на их имя «шаджара» — родословных, согласно которым «шахи» были признаны прямыми по-

* Подробно об этом см.: Лужецкая Л. Н. Очерки истории Восточного Гиндукуша во второй половине XIX в. М., 1976; Она же. Родословная правителей Хунзы, Нагара и Гилгита Мухаммада Гани-хана // Страны и народы Востока. Вып. XXX. Центральная Азия. Восточный Гиндукуш. СПб, 1998, с. 300–310.

томками Имама Мусса ал-Казыма — младшего брата Имама Исмаила, который, как известно, считается основателем исмаилитского толка, распространенного до этого времени во всем Бадахшане. Таким образом, произошла секуляризация власти. Сохранившиеся родословные шугнанских, бадахшанских миров, ша и сейидов доказывают это «переоформление».

Таким образом, шиизм стал господствующей идеологией как в Бадахшане, так и в других горных странах, в какой-то степени вытеснив позиции исмаилизма. Но так как это было лишь «государственным мазхабом», он так и не прижился в народной среде. Массы в подавляющем большинстве все ещё исповедовали исмаилизм. Только после того, как узбекские ханы, сначала Абдуллахан, а потом Субханкулихан, с особой ненавистью начали борьбу с исмаилизмом, и всячески притесняя его, насаждали суннизм, это привело к резкому сокращению числа исмаилитов и шиитов и возрастанию из-за этого числа последователей суннизма в Бадахшане. Но основная причина победы суннизма в центральных районах Бадахшана заключалась в переселении туда большого количества тюрко-монгольских племен «барлос»²⁷, которые заняли основные города и наиболее плодородные земли в стране. Они и стали главными «надсмотрщиками» над «новообращенными в ислам» жителями Бадахшана.

В отличие от Бадахшана в Вахане, Шугнани и Рушани сложилась совершенно иная ситуация. Из-за суровых природно-климатических условий и отсутствия больших площадей пахотных земель туда невозможно было переселять тюрко-монгольские племена. Кроме того, эти страны в определенной степени все еще сохраняли свою независимость как от бадахшанских, так и от среднеазиатских правителей. Там по-прежнему правили потомки сефевидских наместников — «ша», исповедовавшие шиизм (исмаилизм), что вытекает из их родословных.

Но случилось то, что должно было произойти рано или поздно. Новые правители Бадахшана — потомки мира Ёрбекхана Самарканди — решили подчинить себе Шугнан и Вахан, что им уда-

лось достичь позже (при Сулейманшахе и Джахандаршахе). И как пишет в этой связи академик Б. И. Искандаров: «После неоднократного проявления недовольства со стороны населения Шугнана и Рушана в 60-х годах XIX в. бадахшанский мир Джахандаршах во главе 24-тысячного войска завладел Шугнаном и Рушаном и отдал их в управление своему тестю Абдурахимхану — сыну прежнего шугнанского шаха Кубадхана (и) с подавлением внутреннего недовольства в Шугнани и Рушани укрепляется положение бадахшанского мира» [27, 52].

Причин таких недовольств было две: 1) захват страны иноземными врагами; 2) по своему вероисповеданию захватчики были суннитами. И эта вторая причина всегда была важнейшей и играла основную роль во всех событиях общественно-политической, экономической и культурной жизни народов этих стран. Исследователи не уловили этот важный момент или же не захотели открыто признать его. Тем не менее, в результате захвата Шугнана Джахандаршахом он окончательно был подчинен Бадахшану, и это продолжалось (вплоть до 1895 г.) до исчезновения Шугнана со страниц истории как независимой страны.

Вернемся на несколько лет назад и обнаружим, что оказывается у последнего независимого шугнанского «ша» — Ша Ванджи — не было никакого сына по имени Кубадхана, а был Ша Джалаледдин — его законный наследник. Но в родословной последних «ша» имя Джалаледдина не упоминается, хотя в нашем распоряжении есть достаточно исторических документов с его печатью. Так, что же произошло, и как Кубадхан стал «сыном» Ша Ванджи? Попробуем ответить на этот вопрос. Как писал в свое время М. С. Андреев со слов местных жителей: «В Шугнани, около Калаи Бар-Пянджа было место, называемое “Ха Ванджи джой” (“Место Ша Ванджи”), где по преданию был казнен какими-то чужеземными захватчиками шугнанский ша, Ша Ванджи. Потом на этом месте казнили таким же образом и других правителей (сбрасывая их с высокой скалы вниз)» [6, 21]. У М. С. Андреева, по ошибке, вместо «Ша Ванджи-джой» написано «Ша Вали-джой»²⁸.

Но судя по родословной шугнанских шахов, шаха по имени Ша Вали среди них не было вовсе, а упоминается часто хорошо известный и в народе Ша Ванджи. Согласно историческим документам, он правил с 1874/75 г. по 1887 г., в течение 12 лет²⁹. Относительно даты его правления между указаниями источников и выводами исследователей существуют большие расхождения. Не вдаваясь в подробности данного вопроса, следует отметить заслуги исследователя истории Шугнана Р. Одилбековой*, которая со ссылкой на вакуфские документы, завизированные Ша Ванджи, приходит к выводу, что сообщения таких источников, как «История Бадахшана» Санг Мухаммеда Бадахши и Фазлалибека Сурхафсара, а также «Истории Шугнана» Саид Фаррухшо (в стихотворной форме) и «Истории Шугнана» Саид Хайдаршо Муборақшозода не точны в указании даты правления не только Ша Ванджи, но и последующих правителей Шугнана. Она на основе вакуфных документов, датированных 1199 г. х. (1784–1785 гг.), исправила ошибку вышеупомянутых источников, а также другого исследователя истории Шугнана К. Эльчибекова, который указывал даты правления Ша Ванджи 1787–1788 гг.** Из приведенных им документов вытекает, что Ша Ванджи имел титул «Наззам ал-миллат ва-д-дин» («Защитник нации и веры»). Это говорит о том, что он был вполне самостоятельным шахом Шугнана. По своему вероисповеданию он, как и все его предшественники, был шиитом-исмаилитом³⁰. После его смерти шахом стал его сын Ша Джалаледдин. Этот вывод подкрепляется его печатью на другом вакуфном документе, датированном 1207 г. х. (1792–1793 гг.).

Для нас представляют особый интерес эти документы по двум соображениям: по ним можно установить точные даты прав-

* Одилбекова Р. Материалы к истории Шугнана (конец XVII–XIX в.) // Известия АН Тадж. ССР. Отделение Общ. наук, 1975, № 1 (79), с. 3–17; Она же. Источники по социальной истории Памира в конце XVII в. — начале XIX в. // Известия АН Тадж. ССР. Отд. Общ. наук, № 4., 1974, с. 102–106.

** Эльчибеков К. Новые материалы по истории Шугнана // Известия АН Тадж. ССР. Отд. Общ. наук, № 2, 1973, с. 5–6.

ления последних независимых от Бадахшана шугнанских шахов — Ша Ванджи и Ша Джалаледдина, которые были шиитами-исмаилитами; мы можем установить причины перехода власти к чужеземным правителям — ставленникам бадахшанских миров Заманеддина и Джахандаршаха. По всей видимости, Ша Ванджи был свергнут и казнен бадахшанским миром Заманеддином — отцом Джахандаршаха. Причиной тому послужило то, что Ша Ванджи (согласно сообщению источника «История Бадахшана») захватил ранее большую часть территории Бадахшана с его столицей Файзабадом. Он воспользовался междоусобицами бадахшанских миров с их кундузскими наместниками, происходившими в период между 1790 г. и 1792 г.* Если в связи с этим вспомнить рассказ М. С. Андреева о месте казни Ша Ванджи, то можно сделать вывод, что Ша Ванджи был казнен бадахшанским миром Заманеддином или же его преемником Джахандаршахом после этих событий. Его трон перешел к сыну Ша Джалаледдину, который, судя по вакуфным документам, также был шахом Шугнана и имел тот же титул «Наззам-ал-миллат ва-д-дин» («Защитник нации и веры»), что и его отец. Это подтверждается документами, датированными 1207 г. х. (1792–1793 гг.), приведенными в упомянутой работе Р. Одилбековой.

Этот факт важен для нас потому, что такой шах не значится в родословной шугнанских шахов, составленной позже (для Абдурахим-хана), а вместо него фигурирует Кубадхан — отец Абдурахимхана. Но в печати, поставленной на упомянутых документах, написано «Ша Джалаледдин сын Ша Ванджи». Там же имеется и печать Абдурахим-хана, который стал шахом Шугнана после отстранения Ша Джалаледдина. Но так как Абдурахим-хан называет себя сыном Кубадхана, тут возникает вопрос: когда и каким образом этот последний мог править Шугнаном, если там был шахом Джалаледдин? Два шаха одновременно не могут быть в такой маленькой стране! Авторы «Та’рихи Бадахшан» и «Та’рихн Шугнан»

* Подробно об этом см.: Эльчибеков К. Новые материалы по истории Шугнана // Известия АН Тадж. ССР. Отд. общ. наук, № 2 (72), 1973, с. 6–7.

по-своему решили «исправить» эту бессмыслицу, и один написал, что Кубадхан был сыном Джалаледдина (в «Истории Шугнана»), другой же пишет, что он был его братом*. Каждый из этих авторов опирался только на родословную шугнанских шахов. Причина такой путаницы заключается в том, что Кубадхан — не брат и не сын Джалаледдина, а совершенно посторонний человек, который либо был посажен на шугнанский трон бадахшанским миром Заманеддином, либо сам захватил власть в стране.

Как бы там ни было, этим был положен конец правления династии из рода Шахи Хамуша, последним представителем которого оказался Ша Джалаледдин. Свергнув и казнив его, Кубадхан объявил себя новым шахом Шугнана и узурпировал власть в Шугнанае. Тем самым была заложена основа новой династии шугнанских ханов, происходивших из Бадахшана и правивших до 1883 г. — до свержения Юсуфалихана и раздела Шугнана между Афганистаном и Россией.

С приходом Кубадхана в Шугнанае сложилась совершенно новая ситуация, когда в стране со сплошным исмаилитским населением вместо шаха стал ханом чужеземец как по национальной принадлежности, так и по вероисповеданию. Поэтому титул «ша» или «шах», которым обозначались все правители Шугнана с древнейших времен до Ша Джалаледдина, был заменен на «хан», как и назывались последние правители страны. Этот перелом стал причиной коренных изменений в социально-политической, экономической и культурной жизни шугнанского народа. Но больше всего пострадала религия. Теперь страна управлялась ставленниками бадахшанского мира, которые исповедовали суннизм и считали исмаилизм еретическим, незаконным мазхабом, противоречащим, по их мнению, исламу во всех отношениях. На почве религиозного фанатизма началось массовое уничтожение исмаилитов, продажа их в рабство, чего не было в истории Шугнана до этого времени.

* Тарихи Бадахшан, л. 87 а; История Шугнана, с. 9; Андреев М. С. Таджики долины Хуф, с. 27–28; История Бадахшана (Шофутура и Охон Сулеймана), с. 90; Эльчибеков К. Ук. соч., с. 5–6.

Светская и духовная власти, дополнявшие друг друга до этого времени, становились теперь совершенно в противоположных позициях. Все это привело к тому, что второй человек в государстве — пир исмаилитов — перешел в активную оппозицию к новому хану. Эти факторы и причины стали своего рода катализатором постоянного недовольства населения и вспыхивания открытых вооруженных выступлений.

Вследствие этого ни один из представителей чужеземной династии, начиная от Кубадхана и до Юсуфалихана, не имел хорошую репутацию в народе, тогда как все представители рода Шахи Хамуша, вплоть до Ша Джалаледдина, пользовались огромным уважением и любовью у своих подданных, ибо они заботились о благе народа своей страны³¹. Во времена их правления строились большие каналы для освоения новых земель в разных районах страны. Это видно из высеченных на камнях надписей относительно этих работ, которые встречаются как в таджикском, так и в афганском Шугнанае.

Для того чтобы «узаконить» свое господство, новоявленные «ханы» Шугнана, с легкой руки мира Заманеддина, «переоформили» родословную шугнанских шахов на свое имя и таким образом стали ханами «благородного, сейидского происхождения!» То есть Кубадхана «оформили» как брата последнего шугнанского шаха Джалаледдина, сына Шах Ванджи, и не стали много думать о таком явном несоответствии. В результате такой переделки Кубадхан из рода самаркандских миров Бадахшана, узбек по национальности и суннит по вере, стал «сыном» Ша Ванджи и «братом» Ша Джалаледдина и приобрел «законное право» на шугнанский престол! Этот вывод основывается на том, что родословная шугнанских шахов, сохранившаяся у последнего представителя рода Кубадхана — Абдулгиясхана, по свидетельству М. С. Андреева, была заверена печатью Заманеддина — мира Бадахшана и написана в 1285 г. х. (1868 г.). Из приведенного М. С. Андреевым отрывка ясно, что документ был составлен на основе какого-то старого образца, ибо в нем род шахов ведет свое происхождение от Адама к Мухаммеду и Али, от них

через Джафар ас-Садыка к Муса ал-Казыму* и далее. Это показывает шиитский характер документа, но это не смущало ни Кубадхана и ни его преемников — ревностных суннитов.

В результате этого переворота Шахдара, Сарыкол, Рушан и Дарваз отделились от Шугнана, и там продолжали управлять потомки прежних шугнанских шахов из рода Шахи Хамуша. Они, естественно, не признавали владычества Кубадхана и всех других последующих его потомков и преемников. В результате этого Шугнан, некогда большая страна, распался на мелкие владения и перестал быть единым и централизованным. Хотя эти события развернулись и не так давно, о них мы имеем крайне скудные и весьма противоречивые сведения в источниках. Причина этого кроется в заблуждении авторов в отношении родства между Ша Ванджи и его сына Ша Джалаледдина, с одной стороны, и Кубадхана — наместника бадахшанского мира — с другой.

Если вкратце суммировать все изложенное относительно взаимоотношений Джалаледдина и Кубадхана, то получается три варианта:

1. Согласно первой версии Джалаледдин и Кубадхан были братьями. Первый правил в Шугнани, второй — в Рушани. Но тут они указаны как сыновья шаха Амирбека, а не Ша Ванджи («Та’рихи Бадахшан»).

2. В «Истории Шугнана» же рассказывается о кровопролитной борьбе за власть между сыновьями Шах Ванджи — Кубадханом и Джалаледдином, но с другими подробностями. Там говорится о том, что Кубадхан завладел Шугнаном и Рушаном, а Джалаледдин бежал в Дарваз и оттуда, собрав войска, начал войну против Кубадхана. В результате Кубадхан был вынужден бежать в Бадахшан, а Джалаледдин вновь стал правителем Шугнана.

3. В «Та’рихи Бадахшан» Санг Махаммада Бадахши и Фазалибека Сурхафсара мы находим третью версию воцарения Джалаледдина, согласно которой Ша Джалаледдин — сын Ша Ванджи,

* Имам Муса ал-Казым — младший брат Имама Исмаила (765–775).

правитель Шугнана, поссорившись со своим отцом, пришел за помощью к бадахшанскому миру Мухаммедшаху. Для оказания помощи его сын Султаншах в 1223 г.х. (1808–1809 гг.) вторгся с бадахшанскими войсками на территорию Шугнана и захватил страну. После чего сам бадахшанский мир приехал туда и посадил на трон Джалаледдина («Та'рихи Бадахшан», л. 766). Эта дата вызывает сомнение, ибо как вытекает из приведенного в своей работе Б. И. Искандаровым [27, 96] документа там стоит дата 1217 г.х. (т.е. 1802–1803 гг.), следовательно, он стал шахом несколько раньше указанной в «Та'рихи Бадахшан» даты.

В том же источнике говорится о том, что Сулайманшах к 1272 г.х. (1855 г.) потерпел поражение от кундузского правителя Мурадбека и бежал в Шугнан к Кубадхану. А в другом «Та'рихи Бадахшан», написанном Охон Сулайманом и Шахфутуром, говорится о том, что сын Кубадхана Абдурахимхан правил 24 года, до 1869 г. Следовательно, он начал властвовать с 1845 г. До него в течение 1 года (после смерти Кубадхана) правил его брат Абдулазизхан. Отсюда можно сделать вывод, что Кубадхан находился у власти до 1844 г.

Сопоставляя все эти даты, получается, что Джалаледдин правил до Кубадхана очень долго — с 1802 по 1844 г., и в этом году был свергнут и казнен Кубадханом. Если это верно, то кажется странным, что о человеке, правившем в течение такого большого отрезка истории, нет ничего достоверного во всех источниках. В этой связи следует отметить, что неустойчивость позиции чужеземных правителей и религиозный антагонизм между правителями и народом в горных странах по верховьям Аму-Дарьи стали причиной отсутствия каких-либо серьезных исторических и литературных сочинений в период с XVI по XIX в. Иначе говоря, история на Востоке всегда была династической, и с уходом с исторической сцены той или иной династии её история утрачивала свое значение для последующих правителей. Поэтому на Памире, где власть перешла к чужеземцам, питавшим ненависть и презрение к покоренному народу из-за его исмаилитской веры, его история не интересовала

никого! Народ молился богу, чтобы скорее избавиться от своих правителей, которые думали только о наживе и своем желудке!

Имеющиеся источники относятся к более поздним временам, в основном к XIX в. и началу XX в. Они были написаны либо по заказу англо-афганских чиновников, либо по просьбе русских. Так появились на свет «Та'рихи Бадахшан» Санг Мухаммада Бадахши и Фазалибека Сурхафсара, «Та'рихи Бадахшан» Охон Сулаймана и Шахфутура, «История Шугнана» Саид Хайдаршо Муборакшозода и др. В этих источниках отражены в основном только политические интриги, связанные с частой сменой ханов и их кровавыми преступлениями в собственной стране, но ничего не сообщается о подлинной истории и культурной жизни народа.

Так или иначе, мир Бадахшана имеет самое непосредственное отношение к тому, что в Шугнанае после свержения Ша Джалаледина произошла смена династий³². В результате этого вместо прежних шугнанских шахов из рода Шахи Хамуша правителем был назначен Кубадхан. После его смерти ханом стал его старший сын Абдулазизхан, но спустя год он был отстранен своим братом Абдурахимханом, который правил в течение 24 лет (с 1845 по 1869 гг.). Позже он был убит своими сыновьями — Мухаббатханом и Юсуфалиханом. И на этот раз история повторилась по старому сценарию: Юсуфалихан бежал к своему дяде в Бадахшан и оттуда при помощи своего слуги отравил Мухаббатхана, занявшего место отца, и таким образом в 1871 г. объявил себя новым ханом. Он правил по 1883 г. — до захвата Шугнана афганцами.

Все источники одинаково характеризуют последних правителей Шугнана, начиная от Кубадхана и кончая Юсуфалиханом, как самых деспотичных, суровых и аморальных, которые превратили прекрасную страну Шугнан в настоящий ад для ее коренных жителей. Причиной всех нестерпимых бед и гонений для народа была его принадлежность к исмаилизму, в отличие от его иноземных работодателей. Они, несмотря на то, что были «ханами», так и не стали «своими» в глазах народа.

Подытоживая всю историю этой последней династии, правившей в Шугнана с 1802—1803 гг. до 1883 г., можно сказать, что это был период правления узбекского по происхождению и суннитского по вероисповеданию ханов. Они сколько не старались, так и не добились (даже насильно) обращения в суннизм жителей Шугнана. М. С. Андреевым, который писал со слов вышеупомянутого Абдулгиясхана — младшего сына Юсуфалихана, отмечено, что «почти все ша Шугнана были суннитами. Это, по его словам, объясняется тем, что они были здесь как завоеватели, состоявшие в родстве с мирами Бадахшана, тоже суннитами... Во всяком случае, если это так, то мы имеем здесь явное подчеркивание существования в Бадахшане, Шугнана и Рушане чужеземной династии правителей, не слившейся со своими подданными даже в вопросах веры» [6, 29].

Они особо не старались навязать свои суннитские убеждения потому, что наладили близкие родственные отношения с пирами Шугнана. Так, последний Юсуфалихан, став ханом Шугнана, отдал одну свою дочь за пира Шугнана Саида Фаррухшо, а вторую — за Саида Мурсаля — чтобы прочно сидеть на троне. Из этого брака каждый из них стремился извлечь выгоду для себя. Породнившись с пирами, Юсуфалихан дал клятву народу, что не будет таким тираном, как его отец, дед и прадед, но как только его признали в качестве шаха Шугнана, он «забыл» свои обещания и превзошел их всех, вместе взятых! Охон Сулаймон и Шахфутур в своей «Истории Бадахшана» так писали о нем: «Шугнанский ша Юсуфалихан постепенно превратился в настоящего дракона и его сердце потеряло удовлетворение от продажи одних только мальчиков и девочек и начал продавать целые семьи. Дома и имущества их раздавал своим нукерам» [75, 5]. Точно такую же характеристику дает ему и Бурханануддин Кункеки: «Правление Юсуфалихана отличалось полным произволом, когда он, считая имущество, жизнь, доброе имя и честь жителей Шугнана за свою собственность, не стеснялся убивать людей, грабить их имущество, продавать жен, сыновей, дочерей их и дарить их в подарок знаменитым лицам» [39, 181].

Все это, по словам Д. Л. Иванова, он делал потому, что «как

магометанин смотрел на шиитов (исмаилитов) не иначе, как на еретиков, как на людей бесправных, заслуживающих наказания за упорство. Это обостряло отношения, преувеличивало многое, вызывало раздражение с обеих сторон» [25, 83]. Тем самым Д. Л. Иванов одним из первых начал открыто писать о религиозной проблеме, существовавшей в течение многих десятков лет господства суннитских ханов в Шугнанае, и в 1895 г. опубликовал свой знаменитый очерк «Шугнан» в журнале «Вестник Европы» (1885, № 6). Подробно освещая время правления Юсуфалихана, он, выражая сочувствие народу, не имевшему никаких прав в собственной стране, писал далее: «Понятно, как должна была отзываться такая система управления в том самом народе, который при всех своих грехах, строго наказываемых ханами, считался еще и величайшим духовным грешником-“еретиком” шиитского толка... Практика создала высшую степень кары такому грешнику, переводя его на положение раба, торговля которым еще и ныне ведется в Средней Азии. Если для шугнанских заправителей и приходилось мириться с общим еретичеством всего ханства, то это невольная терпимость не исключала, однако, возможности пользоваться при случае и этим средством, т. е. доводить опалу над тем или другим шиитским семейством до продажи его на базаре» [25, 109]. Поэтому, когда Юсуфалихан весной 1883 г. был вызван в Файзабад (под предлогом проведения переговоров с афганскими властями Бадахшана), то по прибытии был закован в цепи и отправлен в Кабул, где его зверски казнили. «Народ, — по словам Д. Л. Иванова, — не дрогнул, отдавая своего хана, и отнесся к его истории наполовину безучастно, наполовину даже со злорадством!» [25, 184].

Народ слушался только своих пиров — Саид Фаррухшо и Саид Мурсала. Они хотя и были в родственных отношениях с Юсуфалиханом, но не только не поддержали его, а наоборот, всячески стремились избавиться от него! Афганцы уловили этот благоприятный для осуществления своих целей момент и «сумели привлечь на свою сторону некоторые влиятельные шугнанские круги во главе с ишаном Саидом Фаррухшо... [который] пользовался большим

влиянием среди своих мюридов. Саид Фаррухшо имел перевес над шахом, он даже претендовал на то, чтобы стать шахом Шугнана» [28, 221]. Он был уверен, что имеет все шансы для достижения заветной мечты. Афганцы же использовали его лишь как инструмент для свержения и передачи в их руки хана. И, надо признать, это им удалось. Они через доверенных лиц установили тесную связь с Саид Фаррухшахом и обещали ему, что после свержения Юсуфалихана он будет новым шахом Шугнана, если, конечно, поможет им осуществить переворот. Поддавшись такому соблазну, он уговорил Юсуфалихана поехать в Файзабад для встречи с афганским губернатором Бадахшана Абдулладжаном. Юсуфалихан всячески отказывался от поездки, предчувствуя свой конец. Он понимал, что в собственной стране его никто не любит и не поддерживает, но потерять свой трон также не хотел!

К этому времени афганцы захватили Вахан и присоединили к Бадахшану, который, как уже упоминалось выше, они оккупировали еще в 1879 г., свергнув Джахандаршаха. Он после этого в течение года находился у Юсуфалихана в надежде найти помощь у русских и восстановить свою независимость. Но те ему отказали и согласились только на его содержание в качестве гостя. В 1876 г. он был убит. Юсуфалихан помнил все это хорошо и понял, что настала его очередь. Предугадывая замыслы афганцев, он намеревался найти покровительство у бухарского эмира или же у русских. С этой целью он в 1882 г. написал письмо эмиру Бухары — Музаффару, где уверял его в том, что «мы с древних времен от прежних владык Бухары и до настоящего царствования пользовались покровительством Бухары и являлись верными слугами этих владык, равным образом и остаемся таковыми» [29, 41]. Это подчеркивал и главный закетчи* Бухары Астанакулбек-кушбеги, который писал, что «Юсуфалихан в прежние времена был правителем Шугнана и доклады свои писал эмиру бухарскому. В это же время Даулятшах**, ранее

* Закетчи — сборщик религиозного налога, закята.

** Даулятшах — правитель Дарваза, брат Юсуфалихана.

завоевав Дарваз, признал над собою покровительство эмира и приехал к нему. В это же время пришли афганцы и завоевали Бадахшан, а бухарские войска взяли Дарваз. Некоторое время докладов от Юсуфалихана не было, а Даулятшах не сумел перейти в Шугнан. Позднее он получил разрешение от эмира на приезд в Шугнан, где и был убит своим братом Юсуфалиханом» [29, 42].

В ответ на прошение Юсуфалихана бухарский эмир решил направить свои войска в Шугнан, но русское правительство запретило ему это делать, опасаясь, что оно вызовет негативную реакцию английского правительства. Ибо, как писал Генри Юль: «Едва ли было бы своевременным поощрять притязания эмира бухарского на Шугнан и разрешить ему послать своего бека в означенную область, так как мера эта может вызвать столкновение между Бухарою и Афганистаном и нарушить установившиеся между этими странами в 1873 г. если не дружественные, то во всяком случае мирные отношения» [29, 43].

Вместе с тем из Шугнана приходили и другие, совершенно противоположного содержания письма, в которых народ изъявлял желание перейти под покровительство России. Иначе говоря, и в решении своей судьбы, и в отстаивании независимости страны правители и народ памирских княжеств оказались по разным сторонам баррикады: правители стремились к добровольному подчинению бухарскому эмиру, народ же изъявил желание принять подданство России! В такой обстановке, естественно, что русское правительство не могло предпринять какие-либо необдуманные шаги, заботясь прежде всего о собственных интересах.

Генерал-майор Иванов, исполнявший тогда обязанности генерал-губернатора Туркестана, получил одно из таких писем в 1884 г., и в этой связи написал: «В Маргелан* прибыли два аксакала с письмом от жителей Шугнана и Рушана, в котором излагается просьба о принятии их под защиту и покровительство государя императора» [29, 49]. Здесь нужно подчеркнуть один немало-

* Маргелан — город в Ферганской долине.

важный факт, заключающийся в том, что на Памире религиозные общины исмоилитов в каждой из вышеупомянутых стран (Вахан, Ишкашим, Шугнан, Рушан и Дарваз) имели своих предводителей — пиров, являвшихся духовными и светскими главами общин. Пирь на всем протяжении истории правления чужеземцев в этих странах, начиная с XVI в., всегда находились в оппозиции к суннитским ханам. Всякий раз именно они поднимали народ на борьбу против поработителей. Так было в начале XVI в. — в 1505 г., когда шейбаниды покорили Бадахшан и подвергли страну страшному разорению, против них поднялись исмоилиты во главе с пиром Реза-уд-дином. Эта история преподнесена исследователями совершенно в неправильной интерпретации. Так, первым об этом писал академик В. В. Бартольд в статье «Бадахшан» для «Энциклопедии ислама», где говорилось, что после убийства лидеров антишейбанидского восстания — Муборакшаха и Зубайра — в 1507–1508 гг. «спустя некоторое время в Бадахшане появился Шах Реза-уд-дин, глава исмоилитов Кухестана, собрав вокруг себя приверженцев этого учения, и подчинил себе часть страны, но уже весной 1509 г. он был убит, и голова его была доставлена Мирза Хану в Калаи Зафар» [10, 345].

Даже такой непревзойденный знаток истории Памира, как академик Б. И. Искандаров тоже истолковал это важное историческое событие не совсем верно. Он, в частности, пишет, что после поражения шейбанидов «Бадахшан был завоеван Реза-уд-дином, который опирался здесь на последователей секты исмоилитов (сам он был главой исмоилитов Кухестана). Его господство вызвало недовольство коренного населения Бадахшана, которое видело в нем вероотступника, так как он принадлежал к шиитам в отличие от значительной части жителей Бадахшана — приверженцев суннизма. Весной 1509 г. он был казнен, а голова его была доставлена в Крепость Кала-и Зафар и преподнесена Тимуриду Мирзахану» [29, 49].

В этих рассуждениях автора есть несколько спорных моментов:

1. Бадахшан не был завоеван Реза-уд-дином, а был им освобожден от владычества чужеземцев — шейбанидов.

2. Под Кухестаном не следует подразумевать Иранский Кухестан, который иначе назывался Джибал, а словосочетание «пир-и Кухестан», использованное в данном случае, означает, что этот Реза-уд-дин был пиром исмаилитов Бадахшанского Кухестана, который включает территорию всех стран, расположенных по верховьям Аму-Дарьи. Этот титул («пир-и Кухестан») и до сих пор используется в отношении Насира Хусрава, который, как известно, к Иранскому Кухестану не имеет никакого отношения.

Его господство не вызвало «недовольство коренного населения Бадахшана», как именует автор монгольско-тюркские племена, поселившиеся здесь с приходом шейбанидов, которые и сегодня составляют определенный процент населения Бадахшана. По статистическим данным Афганистана за 1979 г., общее количество населения Бадахшана составляло 550 тысяч человек, из них 100 тысяч составляли узбеки, т. е. потомки тех, кто поселился в Бадахшане в XVI в. Отсюда вытекает, что они тогда еще не были коренным населением Бадахшана и не составляли какой-либо заметный процент в составе населения этой страны. Но поскольку они были завоевателями, то силой оружия утверждали все, что им хотелось. Реза-уд-дин был казнен так же, как и два предыдущих предводителя повстанцев Бадахшана — Муборакшо и Зубайр, узбекским наместником Мирзоханом.

Поэтому при интерпретации тех или иных фактов истории всего средневековья и вплоть до новейшего времени на Востоке нужно обязательно учитывать религиозный фактор, который всегда являлся главным. Без этого, как бы мы ни старались изображать все трагические катаклизмы истории, назвав их то национально-освободительным движением народа, то захватническими стремлениями феодальной верхушки или просто междоусобными войнами, — от этого их суть не меняется. Эти войны всегда велись под знаменем ислама! Религия становилась главной причиной всех этих явлений. Несмотря на то, что сегодня в историческом Бадах-

шане (Кишм, Джирм, Рустак, Файзабад и их окрестности) проживает исключительно суннитское население, это ни в коем случае не означает, что такова была ситуация и в X, XV, XVI, XVII вв. Суннизм привели в Бадахшан шейбанидские завоеватели в XVI в. и закрепили его в качестве господствующей идеологии потомки мир Ёрбек-хана Самарканди — тоже узбеки по происхождению и сунниты по вероисповеданию.

Итак, вернемся к начатому разговору о судьбе шугнанского шаха Юсуфалихана. Он видел свое спасение в покровительстве бухарского эмира. Его же главный оппонент — Пир Саид Фаррухшо, несмотря на то, что был женат на его сестре и даже посвятил Юсуфалихану поэму с восхвалением шаха из его рода, стремился, наоборот, как и все жители Шугнана, найти покровительство у туркестанского генерал-губернатора. С этой целью он вместе с другим известным лицом — рушанским мирхазаром Манзаршо — направил в 1884 г. прошение на имя туркестанского генерал-губернатора в Ташкенте, где они сообщали о том, что «Фаррухшо, Манзаршо и бедные люди попали под начальство чужеземцев, которые сильно притесняют и разоряют их, вследствие чего и ша, и жители зимой бросали свои дома и скитались в степи, видя единственную возможность спасения только в присоединении к России в ее покровительстве» [29, 50]. Подобные многочисленные прошения жителей Шугнана (и других памирских княжеств) отражали реальную обстановку в стране после завоевания афганцев, а также интерес каждой из двух сторон: шаха Юсуфалихана, с одной стороны, склонявшегося к бухарскому эмиру, и народа во главе с пирами — с другой, стремившимся к подчинению России. Шах намеревался этим шагом спасти свое господство, а народ видел в этом спасение от чужеземного деспотизма и господства иноземных войск. «Присоединение к России, помимо прочих выгод, давало возможность избавиться от религиозных преследований, которым подвергались жители Памира со стороны иноземных войск, исповедовавших суннизм» [29, 50].

Но, как было отмечено выше, российское правительство запретило бухарскому эмиру принять Шугнан в состав своего государства, оно также сочло преждевременным удовлетворить прошения шугнанцев о принятии их в состав Российской империи. Это видно из письма министра иностранных дел Н. Гирса на имя военного министра П. С. Ванновского в 1884 г., где отмечалось, что «необходимо отклонить ходатайство шугнанцев о принятии их под покровительство России и ограничиться лишь обещанием соответствующих дипломатических переговоров с Англией» [29, 50].

И, как пишет далее Б. И. Искандаров, «основываясь на этом, царское правительство отменило ходатайство жителей западных районов Памира о принятии их в русское подданство». В специальном отношении генерал-адъютанта Н. Х. Обручева, занимавшего тогда должность генерал-губернатора, генерал-майору Иванову было сказано: «Высочайшее повеление — отклонить ходатайство шугнанцев о принятии их под покровительство России и ограничиться обещанием, что мы употребим наше нравственное содействие в виде обещания защиты их от притеснений афганцев» [29, 50].

Итак, получилась «палка о двух концах». Русские и англичане разделили Шугнан на две части, лишили страну правителя, но в свой состав так и не захотели принять «свой кусок». Это было непонятно жителям Шугнана. Поэтому они не могли поверить в это и с еще большим упорством и настойчивостью стали требовать от новых хозяев — русских — взять их под непосредственное покровительство, а не отдавать бухарскому эмиру. Русские, показывая, что они выполняют свое обещание, вступили в переговоры с английскими властями и договорились о сохранении нейтрального статуса Шугнана, Рушана и Вахана на основании договора 1872–1873 гг. Но это были лишь слова, а на деле, когда войска афганского эмира Абдурахман-хана вторглись на территорию Шугнана, русские расценили это просто как «родственные распри» между мусульманскими ханами.

После того, как все предпринятые шугнанским правителем Юсуфалиханом попытки относительно вхождения в состав Бухар-

ского ханства закончились безрезультатно, афганские наместники Бадахшана, пристально следившие за всем происходящим, искали удобный случай и хороший предлог для захвата Шугнана. И судьба им преподнесла такой подарок. Русские, как мы видели из вышеупомянутых документов, хотя и отказались от принятия Шугнана под свое покровительство (ранее запретив это бухарскому эмиру), тем не менее, тоже внимательно следили за всеми происходящими там событиями. Вначале они пользовались услугами выходцев из этих местностей, уезжавших на заработки в города Туркестана (о которых упоминается в различных архивных документах без указания имени и фамилии, везде используется слово «туземец»). Однако именно эти «безымянные» туземцы впервые рассказали русским о существовании своей, «горячо любимой дикой страны» (тахзоргористой местности) [71, 531]. На основании рассказов «туземцев» и многочисленных прошений, из числа русских, впервые в Шугнан был направлен доктор А. Э. Регель в августе 1882 г. сроком на пять месяцев.

2. «Ангел смерти» — предвестник «сатанинских интриг»

Как уже было сказано выше, Юсуфалихан для своего спасения искал покровителя в лице кокандского и бухарского ханов. Его злейший враг — эмир Афганистана Абдурахман-хан, со своей стороны, искал предлог и удобный случай наказать непослушного правителя, о чем позже он писал так: «Я послал войска против правителя Шугнана и Рушана — Юсуф-Али, (потому что) он провозгласил себя независимым, но не желал удовольствоваться этим, так как опасался, что я в будущем могу присоединить его владения к моим. Ввиду этого он завязал переговоры сначала с ханом Кокандским, а затем с русским правительством. Он пригласил русского доктора Регеля в Шугнан и изложил ему следующие жалобы: Эмир Афганистана желает подчинить его своей власти, а он, между тем, считает себя под русским покровительством. Мне, наконец, надоели беспорядки, которые Юсуф Алихан учинил на афганской территории, и рано или поздно я имел в виду наказать его, выжидая только для этого удобное время» [4, 317]. И такое «удобное время» наступило с приходом доктора Регеля в Шугнан. Он формально был командирован на Памир по заданию Русского географического общества, ибо до него такую командировку уже совершал английский исследователь Георг Литтелдейл³³ еще в мае—августе 1880 г., пройдя по Памиру с севера на юг. При обсуждении итогов его путешествия на Памир на заседании Британского географического общества 13 октября 1891 г. в Лондоне генерал английской службы Р. Стрэчи так закончил свое выступление: «...удивительно, что развитые люди могут говорить о такой стране, как о чем-то желательном к приобретению или, как о чем-то, за что можно сражаться, судя

по описаниям Литлдел, совершенно одинаково говорить о войне за обладание квадратной милей на Луне или на Сириусе. Литлдел с небольшим числом людей не мог жить на средства страны, при путешествии по которой даже топливо приходилось возить за собой. Ввиду этого обсуждать даже возможность вести что-либо вроде военных действий там — было бы чрезвычайно смешно. То, что некоторых занимает вопрос о занятии Памира, — русскими ли, афганцами, китайцами или англичанами, — я отношу к глупости человеческого рода» [36, 17].

Русские, чтобы убедиться в правильности подобной характеристики Памира, направили туда своего ученого-ботаника доктора Регеля³⁴. Получив задание, он прибыл из Маргелана в Бальджуан и оттуда написал письмо шугнанскому ша Юсуфалихану о том, что хочет посетить его страну с научными целями для сбора гербария. Юсуфалихан выразил свое согласие с той оговоркой, что должен проинформировать об этом афганские власти в Бадахшане. Видимо, они согласились на то, и он пригласил доктора посетить Шугнан. Получив приглашение, Регель в августе 1882 г. прибыл в Шугнан.

О том, как его встретил ша, он писал в «Туркестанских ведомостях» так: «Я был принят хорошо. В тот же вечер посетил меня младший сын шаха (Абдулгияхан. — А. Ш.), а на другой день — он сам. Прием был оказан исключительно радушный» [65]. Он объездил все долины и населенные пункты Шугнана, и когда доехал до Горана и хотел ознакомиться с копиями лала, то этот шаг его не понравился афганскому офицеру, который охранял копи. Он доложил об этом случае Абдулладжану — афганскому наместнику в Файзабаде — и по его приказу выпроводил Регеля обратно в Калаи Бар-Пандж. А в январе 1883 г. в Шугнан прибыл афганский офицер с 12 солдатами в качестве официального представителя эмира Афганистана при шугнанском шахе. На самом деле этот офицер прибыл для окончательного завершения плана захвата Шугнана. Афганец первым делом потребовал от Регеля уйти туда, откуда приехал, но тот отказался подчиниться его приказу. Между ними произошел

инцидент, в ходе которого Регель чуть не застрелил афганского офицера, но его спас Юсуфалихан. Во избежание более серьезных стычек Юсуфалихан вынужден был попросить доктора уйти, ибо этого потребовал от него афганский офицер в ультимативной форме. Офицера звали Гавхарамон³⁵ — хазарец по происхождению, сын которого Темуршохан играл самую негативную роль во всех трагических событиях, развернувшихся в Шугнана позднее. Пока же он был только резидентом эмира Афганистана в Шугнана.

Гавхарамон называл себя пиром хазарейских исмаилитов и претендовал также на сейидское происхождение. На этой почве он сблизился с самым влиятельным пиром Шугнана Саидом Фаррухшо и начал сколачивать коалицию шугнанских влиятельных лиц против ша Юсуфалихана. Это ему удалось сравнительно легко, особенно когда он обещал Саиду Фаррухшо, что в случае свержения Юсуфалихана он будет назначен афганцами вместо него. И в результате этого обмана, поддавшись на такую уловку, «недовольная Юсуф-Али-ханом партия шугнанцев, во главе которой стояли высшие духовные лица Шугнана Саид Фаррухшо-пир и мирхазор Манзаршо, направили письма представителям Афганистана в Бадахшане с просьбой о смене Юсуфалихана» [101, 52]. Юсуфалихан, узнав о заговоре своего зятя и других пиров, вставших на сторону афганцев, решил бежать к русским, но те не пропустили его на свою территорию и вернули обратно в Шугнан. Об этом случае писал в своем донесении подполковник Б. Л. Громбчевский в сентябре 1892 г., где, в частности, сообщал, что «в 1883 г. бывший правитель Шугнана Юсуф Али-Ша, спасаясь от афганцев, двинулся зимой вверх по реке Бартанг, предполагая перейти в пределы России, и повез с собою казну; при этом, несмотря на содействие обожавшего его населения и массу носильщиков, провезти казну ему не удалось. Тогда он и написал письмо к Курумыш-беку, предлагая ему половину своего состояния за то, чтобы он пробил яками дорогу через заваленный снегом Найза-Ташский перевал и выехал ему навстречу к Яшиль-Кулю; Курумыш-бек согласился, но вслед за сим узнал, что афганцы, проведая о бегстве Юсуфалихана, послали за

ним погоню, схватили и казнили его» [100, 37]. Из этого признания подполковника явствует, что русские не только подставили Юсуфалихана, послав к нему Регеля, но и предали его, не пропустив на свою территорию, и скорее всего «порекомендовали» Курумшбеку тоже отказать ему в помощи, как это запретили делать ранее эмиру Бухары, когда он намеревался послать войска в Шугнан с целью оказания помощи шугнанскому шаху против афганцев.

Юсуфалихан после этого был вынужден возвратиться в Шугнан, оставив свою семью в Бартанге. К тому времени афганцы уже окончательно уговорили всех влиятельных лиц во главе с Саидом Фаррухшо и предрешили участь Юсуфалихана. Саид Фаррухшо уговорил его поехать в Файзабад, потому что, как пишет Д. Л. Иванов, он «получив богатые обещания от афганцев, успел образовать вокруг себя влиятельную партию и с помощью ее убедить хана, что ему ничего не остается, как ехать в Бадахшан, и что вызывается он туда для простых деловых переговоров, после которых он снова возвратится в Шугнан, и Юсуф Али поехал» [25, 184]. Сопровождали его все аксакалы и старшины Шугнана. Этот поступок Саида Фаррухшо сегодня оценивается исследователями истории Памира и исмаилизма как проявление «двурушничества»* [83, 110].

Когда Юсуфалихан прибыл в Файзабад, правитель Вахана, также вызванный туда, находился уже там. Он принял все условия бадахшанского наместника афганского эмира и сдался беспрекословно. Шугнанский шах же держался «по-шахски» — гордо и непокорно. Поэтому, как пишет Д. Л. Иванов, «он на первом же приеме был наглядно унижен, но гордый Юсуф-Али не растерялся, а подо-

*Кто больше двурушничал — российские правители Туркестана или же Саид Фаррухшо в этом деле — очевидно. Русские и английские генералы и политики имели право поступать так, как считали нужным, нисколько не считаясь с интересами целых народов, стран и их правителей. А Саид Фаррухшо, стремившийся к избавлению собственного народа от тирании Юсуфалихана, а позже и от гнета афганцев, выдается как пример двурушничества исмаилитского духовенства! Примеры предательства и двурушничества со стороны сильных мы еще увидим дальше.

шел к бадахшанскому миру и, сняв свою золотую шапку и пышную кисейную салля, положил их перед ним на ковер: “Я здесь в твоих руках и готов на все, — произнес он, играя цветами персидского красноречия, — если ты хочешь убить меня, — вот моя сабля, убей меня ею. Вот моя салля — похорони меня в ней как истинного мусульманина и природного хана!”» [25, 184].

Но палачи не спешили выполнить его просьбу, сначала нужно было узнать место спрятанных богатств, потом вызвать бежавшего сына и после этого отправить его в Кабул и там казнить. Так и поступили. При помощи самых ужасных и зверских пыток они заставили хана указать места, где спрятаны его богатства. Афганцы приехали в Шугнан и «набрали сотню яхтанов (сундуков) и отправили на пятидесяти лошадях в Файзабад. Ключи от яхтанов были у Юсуфа Али Хана. Привели самого шугнанского владельца: — Отпирай! Сам отпер и присутствовал при описи. Сундуки оказались с золотом, серебром и другими драгоценностями». «Это ты все у жителей награбил, собака?» «Как ты не подавился, проклятый?! От того твои жители так “богаты”, старый вор! И это все ты хотел утащить к русским?! — приговаривали за каждой вещью допросчики» [25, 120]. Путем обмана афганцы вызвали хана, присвоили его богатства и таким же путем заставили его написать письмо своему сыну Кубодхану, находившемуся в Бартанге, так как его также русские не пропустили на свою территорию, и тем самым предали и его вслед за Юсуфалиханом. В письме, написанном под их диктовку, он сообщил сыну, что ему ничего не угрожает, его приняли очень хорошо и скоро он вернется в Шугнан. Так, что вам нечего опасаться, возвращайтесь назад... Его сын Кубодхан, ничего не заподозрив, вернулся в Шугнан и был схвачен афганцами и тоже увезен в Файзабад. Оттуда всю семью хана вместе с малолетними детьми, заковав в цепи и посадив в железные клетки, увезли в Файзабад, где хана и его старшего сына Кубодхана заживо закопали в землю. Младшего сына — Абдулгиясхана — оставили в живых. Он спустя много лет бежал из кабульской тюрьмы и, вернувшись в Шугнан, поселился в Рушане, где имел встречу в 1925 г. с М. С. Андреевым.

В адрес Юсуфалихана афганцы выдвинули следующие обвинения: Когда-то в Шугнane были убиты три или четыре афганца; Юсуфалихан не оказал должного почета Абдурахман-хану, когда тот вернулся из Самарканда в Бадахшан и там женился на дочери Джahондаршаха и при помощи его армии захватил Кабул и стал эмиром Афганистана; Юсуфалихан уклонялся от уплаты вассальной подати; Обращался жестоко с населением; Держал у себя русского доктора и позволил ему посетить рубиновые копи в Горане Шугнана.

Эти обвинения были необоснованными претензиями к независимому самостоятельному хану, и не более того. И так, шугнанцы, избавившись от своего деспота, не были рады этому, ибо после того на их головы обрушились такие страдания и несчастья, которые при Юсуфалихане им даже не снились!

Ко времени правления Юсуфалихана относятся три фирмана Имамов исмаилитов, полученных на имя муки Мирзо Банда Али, датированные октябрeм 1874 г., октябрeм 1876 г. и январем 1881 г. В них содержались лишь наставления исмаилитам сохранять верность своей религии, преданность семье имама и указывалось количество поступившего в Дарбар «моли саркори» — подношение от последователей имама. Какая-либо другая информация в них отсутствует. Но эти фирманы свидетельствуют о связи джамаата с Дарбаром Имамов, что является для нас важным. Указанный в них муки Мирзо Банда Али жил в Юмгане, а его потомки позже переселились в Рушан и обосновались там. После ареста и отправления Юсуфалихана в Кабул Абдулладжан — наместник Бадахшана — направил в Шугнан Гульзорхана. Когда Саид Фаррухшо и Манзаршо поняли, что их обманули афганцы, они подняли весь народ Шугнана и Рушана против афганцев и осадили их в крепости Бар-Пяндж. Они сожгли крепость, и афганцы сдались. Но их отпустили с обещанием, что они никогда больше не появятся в Шугнane. Пленники ушли, и через год в Шугнан из Файзабада был направлен другой отряд во главе с Саид Али-ханом — корнейлом в составе 1500 человек хазарейского батальона и две роты при двух

орудиях. Этот отряд шел по пути озера Шева в Шугнан, а по другому пути из Зебака через Горан был послан второй отряд во главе с Шо-Аламханом «корнейлом» и Файз Мухаммадханом «кумайданом». И чтобы быстрее покончить с восставшими, они захватили с собой из Зебака Шах Абдурахмана и Саид Салеха — мунджанского и хазарейского пиров.

Саид Фаррухшо, получивший известие о прибытии афганского войска, «тайно послал сардару (Абдулладжану) письмо с просьбой о помиловании, представляя ему в подарок свою дочь и надеясь таким образом получить прощение. Мазаршох убежал в Дарваз» [35, 184]. Абдулладжан, женившись на его дочери, спустя некоторое время позвал пира к себе в гости в Ханабад, будучи уже губернатором Каттагано-Бадахшанской провинции. Там он отравил своего тестя-врага ядом. Его тело привезли в Шугнан и похоронили в родном кишлаке Сарои Бахоре. Его сын Саид Юсуфалишо, ставший после отца пиром, в 1901 г. возненавидел афганцев и бухарцев как гонителей веры и поработителей страны и с самого начала своей деятельности встал твердо на сторону русских.

Правление Гульзорхана продолжалось пять лет, и в 1888 г. афганцы вывели свои войска из Бадахшана и Шугнана и отправили их для подавления мятежа правителя Чорвилюята — Исхак-хана. Этим решили воспользоваться бухарские власти и направили в Шугнан племянника Юсуфалихана Акбархана в качестве нового «ша». В этом деле были замешаны и русские чиновники Туркестанского генерал-губернаторства. По прибытии в Шугнан он объявил себя шахом и отправил письмо русским с предложением о занятии Шугнана. Но не прошло и года, как афганцы подавили мятеж Исхак-хана и вновь направили в Шугнан большие силы во главе с Шо-Саид джарнейлем с 4 тысячами человек и 80 орудиями.

Естественно, что Акбархан не смог устоять перед такой огромной силой и был сломлен. Русские на его обращение о помощи ответили отказом. Он уехал в Дарваз, а оттуда в Бухару. Таким образом, афганцы на этот раз окончательно покорили Шугнан и включили его в состав своих владений. С этого момента начина-

ется новая страница неслыханной трагедии народа этой страны под гнетом других суннитов-чужеземцев, которые превзошли своих предшественников во всех беззакониях и бесчинствах, творимых в Шугнанае. В результате этой оккупации страна, лежащая по обоим берегам Пянджа, была разделена на две части. Западная часть отошла к Афганистану, а Восточная осталась временно «бесхозной». Но ее участь тоже была предопределена англо-русским соглашением 1872–1873 гг., т.е. она отходила по «естественной» причине к сферам влияния русских. Они, в свою очередь, во избежание новых конфликтов с бухарским эмиром «подарили этот свой кусок» ему взамен некоторых территорий Самаркандской области и Запьянджского Дарваза.

Для узаконивания новых границ потребовалось новое соглашение, ибо прежнее 1872–1873 гг. уже устарело и нуждалось в коренном пересмотре. С этой целью 11 февраля 1895 г. было заключено новое англо-русское соглашение, которое окончательно решило все территориальные вопросы между этими сверхдержавами того времени и определило дальнейшую судьбу памирских народов, окончательно и на многие десятилетия разделив их на две половины.

3 «Бухарская территория» под русским управлением

Принцип «разделяй и властвуй», согласно которому Англия и Россия проводили свою экспансию на Востоке, в частности в Центральной Азии, был заложен в самом фундаменте их политики — в договоре о разграничении их сферы влияния от 1872–1873 гг., вступившем в силу 19/31 января 1873 г., согласно которому река Пяндж-Амударья стала границей между двумя вассальными государствами — Афганистаном и Бухарой. Договор этот был оформлен предельно цинично, якобы «для установления мирных, дружественных отношений между ними» [26, 87]. Согласно этим договоренностям, существование таких независимых в то время от Афганистана и Бухары стран, как Бадахшан, Шугнан и Вахан, игнорировалось вовсе. Англичане мотивировали это тем, что как будто они в ту пору вообще не знали об их существовании. Как писал позднее, в 1893 г., посол Британии в Петербурге Роберт Марьер³⁶, «в то время не было еще известно, что Шугнан лежит на обоих берегах реки, что Вахан простирается вместе с Шугнаном на север и что часть Дарваза врежется в Бадахшанское ханство на левом берегу реки» [98, 44]. Но, тем не менее, «договоренности 1873 г. официально зафиксировали принадлежность Южного Туркестана (имеется в виду Чор-Вилоят) или современный северный Афганистан и Бадахшан к Афганистану» [83, 32].

Если эти районы не были известны англичанам, то тогда, как они могли провести там границы? Они хорошо знали эти районы и страны, ибо там задолго до этого побывали английские офицеры-разведчики под видом путешественников. Они имели полные сведения об этих странах, но не хотели замечать их, ибо в глазах ан-

гличан они были лишь территории с нищим населением и деспотическими ханами, о чем доложили еще в 1836—1838 гг. Вуд, Бернс и другие. Они поставили перед собой задачу избавиться от «неудобных» границ, которые сложились в ходе исторического развития этого района земного шара в течение тысячелетий. Эти границы мешали им в разделе чужих территорий, поэтому им показались «случайными». Тогдашний премьер-министр Англии Б. Дизраэли по этому поводу говорил, что и «мы хотим иметь вместо случайной научно-обоснованную границу» [83, 35]. И такой границей стала река Пяндж-Амударья. Поэтому эмир Афганистана предъявил ультимативное обвинение в адрес шугнанского ша Юсуфалихана. Согласно англо-русскому договору, эмир «получил право» обвинять его в том, что он «совершил бесчинства и произвол на афганской территории», хотя, как сам признался Абдурахман-хан, он и не знал о том, что Шугнан уже принадлежит ему.

Дело в том, что договор 1872—1873 гг. запрещал Афганистану расширять свои владения за счет северных соседей. Но с другой стороны, после окончательного установления восточных границ Афганистана англичане всячески подстрекали эмира к захвату северных территорий. В своем письме от 11 июня 1883 г. вице-королю Индии он писал: «До сих пор предполагали, что Андхой (город в провинции Джузджан на севере современного Афганистана. — А. Ш.) составляет крайнее пограничное владение Афганистана по северо-западной границе. Теперь я читал и в высшей степени был обрадован многочисленными милостями, оказываемыми нам английским правительством, включившим в пределы Афганистана Бадахшан и Вахан. Я теперь понял, где мои северные границы» [17, 168]. На фоне этих «чистосердечных» признаний эмира говорить о том, что «эмир Афганистана прекрасно ориентировался в бадахшанских делах» [83, 58], выглядит пустым восхвалением.

Из этого письма вытекает следующее: Абдурахман-хан не знал о том, что Бадахшан, Вахан (а позднее и Шугнан) включены английским правительством в его владения. Ему сообщили англичане об этом письменно, так как он «читал» это в письме. Русские

тоже знали о таком исходе «пограничного вопроса», ибо они совместно составляли договор 1872–1873 г., где в качестве границы была определена река Пяндж-Амударья. Эмиру ничего не оставалось делать, как свергнуть шахов Бадахшана, Вахана и Шугнана и включить эти страны в состав Афганистана.

Кроме того, тут был замешан небезызвестный Гавхарамон (он же Гавхар-хан), отец Тимуршохана — пира хазарейских исмаилитов, который находился в Кабуле при дворе Абдурахман-хана и убеждал его занять Шугнан. Этот человек ошибочно назван в «Тарихи Бадахшан» племянником Юсуфалихана, но, как вытекает из других источников, он не имел никаких родственных отношений с шугнанским ханом. Позже Абдурахман-хан в своем «Тадж-ат-таварих» писал, что в 1884 г. «я захватил Рушан и Шугнан» (хотя Шугнан до 1898 г. не признавал это, и в этом же году благодаря сэру М. Дюранду было принято окончательное решение относительно данной территории) [3, 103]. Он также пишет о том, что «русские были согласны с тем, чтобы Бадахшан и Вахан были включены в состав Афганистана, но так как Рушан и Шугнан расположены на пути России для продвижения в сторону Индии, русские всячески искали предлог, чтобы занять эти два пункта» [3, 103].

Исходя из этих фактов, нельзя обвинить одного Абдурахман-хана в оккупации этих стран, ибо он выполнял волю англичан и русских, которые уже давно «подарили» ему эти «территории», включив их без его ведома в состав Афганистана. Это была своеобразная щедрость англичан за счет других народов и неторопливости русских в решении «памирского вопроса».

Русские начали активизировать свои действия в этом направлении лишь после того, как в начале 1883 г. афганские войска заняли Рушан и Шугнан и «перешли границу», т. е. переправились на правый берег Пянджа и заняли не принадлежавшие им территории согласно договору 1872–1873 г. Афганские войска, заняв весь Шугнан и Рушан, вышли на Восточной Памир (Мургаб), где были остановлены русским отрядом под командованием полковника

М. Е. Ионова. Там произошла первая стычка афганцев с русскими, в результате чего афганский отряд был разбит.

Именно после нарушения установленных договором 1872–1873 гг. границ между Афганистаном и русскими владениями Памира для предотвращения продвижения афганцев дальше на северо-восток в 1892 г. на Восточный Памир был направлен отряд под командованием М. Е. Ионова в составе батальона пехоты, 3-х сотен казаков и 4 орудий. Отряд достиг реки Аличур, где встретил китайские и афганские посты. По требованию Ионова китайцы удалились за Сарыкольский хребет, а афганцы отказались уходить. Русским пришлось применить силу: в результате было убито 12 афганцев и один русский солдат.

Русские вынудили афганцев оставить не только Памир (Мургаб), но и весь Западный Памир — правобережный Шугнан, Рушан, Ишкашим и Вахан, и отойти за Пяндж. А в августе того же года русские основали свой военный пост в урочище Шаджан в Мургабе. Таким образом, на основе договора 1872–1873 гг. Россия заняла все принадлежащие ей территории к концу августа 1894 г. Управление всем Памиром, как Восточным, так и Западным, было возложено на генерала М. Е. Ионова.

Такими результатами закончилось «сплошное комедиантство» двух супердержав. По оценке А. Е. Снесарева, «две европейские державы распоряжались бедными горными людьми, как им было выгодно, не спрося ни у них, ни у истории. Много было при этом, конечно, слез и неправды» [72, 37]. Ибо, как писал другой русский исследователь граф А. А. Бобринский, «на основании этого соглашения Вахан, Ишкашим, Горан, Шугнан, Рушан (и Дарваз) были все разбиты пополам. Часть их, расположенная на правом берегу Пянджа, отошла к нам, на левом — к Афганистану. От Вахана отошла к нам только четвертая часть, т. е. участок, который лежит на правом берегу, ниже реки Памир, правый берег выше этой реки остался, как и левый, за Афганистаном. Эта новая граница, которая разрешила эти общества на две части, создала для них неуклюжее положение, какое получилось бы, если кто вздумал

поделить русскую деревню вдоль по улице между двумя государствами» [15, 4].

Но самым парадоксальным фактом в этой истории является то, что Шугнан был оккупирован хазарейским батальоном под командованием Саид Алихана, после чего губернатором-начальником был назначен Темуршохан³⁷ — сын вышеупомянутого Гавхараманхана — пира хазарейских исмаилитов! То есть Шугнан фактически был оккупирован и передан афганцам «своими же исмаилитами-хазарейцами» во главе с их пиром! Хазарейский полк прибыл в Шугнан из Бадахшана, и по дороге через Зебак и Ишкашим взяли с собой пира зебакского — Шо Абдурахмана. А Саид Солах, ошибочно названный всеми исследователями истории Памира шугнанским пиром, в действительности был отцом Гавхарамана, т. е. был пиром хазарейцев. Если с этой позиции подойти к тому, что шугнанский пир Саид Фаррухшо встал на сторону афганцев, предав своего зятя Юсуфалихана, то становится ясно, что его уговорили свои же исмаилитские пиры Саид Салех и Шо Абдурахман пойти на такой шаг, ибо они, как правило, говорили в таких случаях от имени Имама. Саид Фаррухшо не осмелился пойти против воли имама, хотя Юсуфалихан и был его родственником.

Хотя афганские правители всегда ненавидели хазарейцев, но, тем не менее, в захвате Шугнана использовали именно их. Это они делали, скорее всего, под влиянием англичан, которые хорошо уловили тонкость вопроса — исмаилитский Шугнан захватить руками других исмаилитов — хазарейских. Этот факт также говорит о том, что англичане достаточно хорошо изучили страны по верховьям Амударьи и были осведомлены о них полностью. Чтобы не вызвать вооруженное сопротивление со стороны исмаилитов Шугнана и Рушана, они направили туда для оккупации именно хазарейский полк во главе с их пиром Саид Салехом. Пир хазарейцев одно время жил в Кулябе и после захвата Восточной Бухары мангитами эмигрировал в Афганистан и поселился в кишлаке Даханаи Гури в Баглане. Оттуда он руководил исмаилитами Куляба, Каратегина, Дарваза и других равнинных районов Бухары. Общее число

его мюридов составляло около 25 тысяч человек. Итак, Темуршохан, сын Гавхараманхана, стал комендантом столичной крепости Бар-Пяндж в Шугнанае в 1883 г. после отстранения Юсуфалихана³⁸. Этот человек служил афганцам очень долго, до 1922 г. На протяжении всего этого периода он занимался только тем, чтобы объединить обе части Шугнана, Рушана и Вахана под властью афганского эмира³⁹. Тем самым он играл основную роль во всех интригах, происходивших в Шугнанае до известного «заговора пиров против советской власти» в 1922 г.

В Шугнанае исторически всегда был один пир. Но после того как Ходжа Гулямшах во второй половине XVIII в. переселился из Мунджана в Шугнан и обосновался в Сучане, пиров стало два⁴⁰. А в конце XIX в. еще другой мунджанский пир — Саид Ахмадшах — переселился из Лангара⁴¹ (Вахана) в Тавдем (Шахдары), и таким образом их стало три. Переезд Ходжи Гулямшаха связан со смелой династии в Шугнанае, о которой шла речь в предыдущей главе. Он был объявлен пиром после того, как ша Абдурахимхан выдал за него свою дочь, а вторую дочь — за Саид Фаррухшо. Таким образом, появилось два пира — два соперника и в то же время два родственника.

Шо Салех (Саид Салех), отец Гавхарамана⁴² и дед Темуршохана, никогда не считался пиром в Шугнанае, каким его выдают некоторые исследователи. Его другой сын Фаридуншо — дядя Темуршохана⁴³ — был раньше пиром хазарейцев и жил одно время в Кулябе, о чем уже упоминалось выше. Род этого пира, по рассказам автора «Силки Гухаррез», восходит к полубогатырскому сподвижнику Насира Хусрава — Сухроби Вали. Темуршохан, внук Шо Салеха, не был ни пиром, ни религиозным деятелем, каким его преподносят иные исследователи. Он был просто военным чиновником в звании прапорщика и, переселившись в Афганистан из Куляба, стал одним из лидеров хазарейских исмаилитов. Поэтому «хазарейские источники описывают его жизнь как крайне тяжелую, проведенную им вместе с членами его семьи в скитаниях по различным районам Афганистана — Таликане, Ханбаде, Шурабе, Лагмане...» [19, 247].

Так как он был военным чиновником афганской армии, поэтому скитался по всему Афганистану. Почему-то о его «подвигах» при захвате Шугнана хазарейские источники ничего не сообщают.

После смерти Темуршохана в 1922 г. его брат Надир-хан стал пиром хазарейцев⁴⁴ и таковым являлся до своей смерти в 1961 г. Есть много пробелов и неясностей с родословной хазарейских пиров. Но эта работа уже предпринята современным русским исследователем С. Е. Григорьевым [19, 242–251], и мы эту проблему затрагивать не будем.

С захватом Шугнана вопрос о разделе «территорий» на Памире был окончательно решен, а с захватом Читрала и присоединением его к английским владениям в 1895 г. был положен конец всем спорным вопросам между Россией и Англией. Иначе говоря, все «бесхозные территории» были разобраны, в результате чего сложилась совершенно новая ситуация, которая требовала пересмотра положений договора 1872–1873 гг. С этой целью была составлена смешанная англо-афгано-русская комиссия, которая завершила работы по определению новых «научно-обоснованных» границ к 27 февраля 1895 г. и подписала новое соглашение, которое и стало фундаментом строительства новых государственных образований — Афганистана и Бухары в конце XIX — начале XX в. Эту комиссию возглавляли: с русской стороны — военный губернатор Ферганской области генерал-майор Паволо-Швыйковский⁴⁵, с английской — полковник М. Жерар* и с афганской — Гулям Мухаммадхан. В июле—августе 1895 г. она завершила свою работу, и 27 августа, когда был врыт в землю последний столб, «глава британской комиссии генерал Джералд** бросил при этом “историческую” фразу: “здесь конец памирскому вопросу!”» [82, 3]. Таким образом, были окончательно установлены границы, которые существуют и поныне.

Через год, 29 июля 1896 г., царь издал указ о передаче правобережных частей Вахана, Шугнана, Рушана и Дарваза бухарскому

* Генерал-майор Монтегю Герард (M. G. Gerard).

** Генерал Герард (M. G. Gerard).

эмиру. С этого момента началась новая страница истории памирских таджиков под гнетом афганцев на левом берегу Пянджа и под произволом бухарских чиновников на правом берегу. В результате этого «раздела по живому» историческая судьба таджика стала более суровой: ему запертому в теснине, некуда было уйти от своего поля и селения, земли у него было всегда мало, со всех сторон он был окружен хищниками и к горшнему несчастью этого бедняка присоединилось еще и то обстоятельство, что он усвоил непризнанную религию, т. е. был шиитом, верил в Алию, тогда как его соседи были сунниты, «правоверные» магометане» [57, 44].

С этого момента Шугнан и Рушан стали «странами двух смертей», хотя раньше назывались «странами двух жизней». О Шугнани и Рушани говорили жители долин, что «кто вступит на эту счастливую землю, кто подышит ее здоровым воздухом и выпьет ее чистые воды, может быть уверен, что проживет две жизни» [104, 16]. Но, как увидим дальше, эти страны были превращены бухарцами и афганцами в настоящий ад для их жителей.

Англичане «подарили» Бадахшан, часть Вахана, Шугнана, Дарваза Афганистану и забыли об их существовании. Русские тоже не хотели отставать от своих соперников и «подарили» Западный Памир Бухаре. Но для них возникла из этого «подарка» большая головная боль, которая мучила их долго. Получив в подарок эти районы, бухарский эмир назначил там своих наместников-беков. Фактически правление бухарского эмира на Памире продолжалось недолго, всего 9 лет (с 1896 по 1904 гг.). Основная причина нежелания населения Памира находиться под властью эмира заключалась в религиозном расхождении, которое в итоге заставило русских взять их обратно под свое покровительство. Правление бухарской администрации на Памире можно разделить на 2 этапа.

Первый этап характеризуется бесконечными трениями между бухарскими беками и исмаилитскими пирами. На этом следует остановиться более подробно. В 1896 г. после «получения» новых территорий бухарский эмир Абдулахадхан назначил Ишанкула — сборщика налогов из села Мир-Шаде Денауского бекства — своим

наместником в Рушане, а племянников бывшего шугнанского ша Юсуфалихана — Акбархана и Мансурхана — в Шугнани и Вахане.

Это решение эмира тут же вызвало недовольство со стороны жителей названных районов. Не возражая против Ишанкула, которого не знали жители, услышав же о назначении двух последних, высказывались против их назначения, так как хорошо помнили «своих бывших ханов» — Акбархана и его брата. Жалобу от имени народа Шугнана и Рушана написали казий Шугнана Саид Шохумор и пир Саид Юсуфалишо. Это было в ноябре 1895 г.

В этом прошении, поданном на имя генерал-губернатора Туркестана, подписанном и заверенном печатями казия Саид Шохумора, пира Саид Юсуфалишо и всеми аксакалами Шугнана, говорилось так: «Мы слышали, что начальниками к нам будут назначены находящиеся при бухарском эмире Темурашохан и Акбархан, которые раньше были уже начальниками в Шугнани и совершенно разорили нас... Если они опять будут назначены к нам, то снова разорят нас, поэтому просим ходатайства Вашего, чтобы их к нам начальниками не назначали» [95, 99].

Второе прошение с таким же содержанием они подали на имя начальника Хорогского поста, где говорилось: «Мы, подданные белого царя и молящиеся Богу за его здоровье, уведомлены о передаче нас в подданство Бухарскому эмиру и будем служить ему. Только просим Вашего ходатайства, чтобы к нам не был назначен начальником Мухаммад Акбархан, который теперь находится при Бухарском эмире. Он был раньше начальником в Шугнани и разорил нас... и если опять будет назначен к нам... то мы все оставим свою Родину и переедем в города Русского Туркестана» [95, 98]. На обоих документах имеются печати Саид Шохумора, Саид Юсуфалишо, Азиз Мухаммада и других аксакалов Шугнана. Их опасения оправдались, как только Акбархан приступил к исполнению своих обязанностей...

Не вдаваясь в подробности, приведем лишь один эпизод из жизни народа, описанный русским военным чиновником Б.Л. Громбчевским, который наблюдал страшную картину издева-

тельства над жителями Памира. Он писал: «Спустившись в долину реки Мургаб, мы на протяжении трех дней по дороге встретили сплошные толпы шугнанцев, направляющихся в пределы России. Впереди шли около 20 родственников Саида Юсуфалишо... за головы более выдающихся членов назначена была денежная премия, а все остальные объявлены вне закона, т. е. каждый мог убить, ограбить беглецов, не подвергаясь никаким наказаниям. Беглецы шли быстро, бросая по дороге усталый скот и имущество. Узнав во мне русского, они бросились на колени, целовали одежду и молили защитить их от преследований. Бедствие этих несчастных не поддаётся описанию»⁴⁶ [20, 22]. На его уговоры вернуться обратно в Шугнан они ответили категорическим отказом. И таких ужасных примеров очень много как в документах и работах дореволюционных авторов, так и у последующих исследователей. Бухарские чиновники начали расправу над ничем не провинившимся населением, единственная вина которого заключалась в том, что оно исповедовало исмаилизм.

Русские, чувствуя ответственность за судьбу переданных ими Бухаре народов, стали воспрепятствовать бухарским чиновникам, проводить такую политику. Забегая вперед, нужно отметить, что такая позиция русских некоторыми историками расценена как «вмешательство во внутренние дела Бухары». Так, профессор Т. Г. Тухтаметов пишет: «В ходе антибухарского восстания 1896 г. царские власти стали более усиленно вмешиваться в дела управления бухарскими властями над Шугнаном, Рушаном и Ваханом, и это подрывало авторитет бухарских чиновников в глазах местных жителей» [76, 152].

Вследствие вмешательства русских Акбархан и Мансурхан спустя год были отозваны эмиром, и Ишанкул-тухсаба стал единственным беком всех районов Западного Памира. Но он оказался еще хуже, чем его предшественники. Он вел себя бесцеремонно в отношении «неверных» исмаилитов и позволял себе то, о чем они даже и не могли думать! Жизнь стала для народа совершенно невыносимой. В этой связи Л. Н. Харюков абсолютно правильно замечает,

что «после установления новой границы на Памире (и передаче его в управление Бухаре) по воле великих держав, без учета жизненных интересов памирских народностей наступили еще более тяжелые времена для коренного исмаилитского населения» [83, 101]. Такую участь готовили этому народу великие державы, по воле которых Афганистан и Бухара — два оплота средневекового фанатизма и бесправия стали хозяевами разделенных на две части стран и народов. Тем самым «имперский произвол Англии и России в разделе Бадахшана принес его населению много горя, страданий и бедствий. Чуждые по духу суннитские правители Афганистана и Бухары подвергли исмаилитов жесткому угнетению, гонениям и даже геноциду» [83, 102].

По приезде на Памир бухарский бек Ишанкул первым делом взялся за обращение «неверных» исмаилитов в суннизм, что сразу же отторгло пиров и народ от Бухары. С этой целью Ишанкул в 1901 г. вытребовал из Бухары несколько мулл для того, чтобы, построив в каждом населенном пункте мечеть, они стали «обращать народ в ислам». По его приказу были построены мечети в Рушане и Хороге. Для рушанской мечети как главной (в связи с тем, что его место жительства находилось в Рушане) он заказал красивый михраб в Бухаре, который перевезли на Памир на верблюдах. Кроме того, он велел благоустроить мазары Имама Мухаммада Бакира на Гунте и Зайнуллобиддина в кишлаке Тем. В первом мазаре до сих пор сохранилось его стихотворение, вырезанное на камне внутри мазара, которое было посвящено Имаму Мухаммед Бахиру. Оно начинается бейтом:

*Ба ахди салтанати подшохи динпарвар
Бухору ахли чиболот чумла шуд яксар.
(Во времена правления падишаха
поборники веры, бухарцы и горные народы
объединились воедино).*

Под ним поставлена дата 1318 г.х. (1900 г.). У мазара также была построена мечеть. После того, как строительство мечетей

было завершено, он вызвал несколько мулл из Бухары для обращения народа в «истинную веру». Для того чтобы исмаилитские ишаны не мешали ему осуществить эту задачу, он решил подкупить их, выхлопотав для Саида Юсуфалишо и Саида Мурсаля у эмира Бухары чин «урака». Но как показывает дальнейшая история их взаимоотношений, пиры не поддались на эту уловку и решительно выступили против политики насильственной суннизации Памира. На этой почве начались волнения среди населения, которые угрожали перерасти в открытый вооруженный конфликт и массовое переселение людей в Афганистан. Поэтому русские начальники отряда запретили бухарскому беку осуществлять этот план.

Народ не был согласен с тем, что «Россия, являясь первой державой» (а Англия — второй), отдала бы их каким-то бухарцам не весть «за какую с их стороны вину» [82, 81]. Исходя из такой обстановки, русские, думая прежде всего о своем престиже, вышли с предложением к бухарскому эмиру — отозвать Ишанкула в Бухару. К тому же он «был заподозрен в сношениях с английской агентурой и во вредной для России деятельности» [87, 19]. Ишанкул тут же был отозван, а вместе с ним были отозваны также и 70 человек бухарской конницы, которая лишь затрудняла продовольственный вопрос, ибо достаточно было нахождения русского отряда для охраны границы. Таким образом, к 1902 г. были высланы все три назначенных эмиром бека.

В этой ситуации генерал-губернатор Туркестана Вревский подал эмиру новую идею, заключающуюся в том, чтобы упразднить администрации беков в каждом из трех памирских округов и объединить их в руках одного бека. Это значительно снизило бы расходы казны, облегчило бы управление краем. С другой стороны, такой шаг привел бы к спокойствию населения, т. е. оно было бы избавлено от многочисленной свиты слуг и ноукеров бека. Эмир принял эти рекомендации генерал-губернатора и издал соответствующий указ. Таким образом, бывший бек Дарваза Мирза Юлдаш-бий был назначен новым беком Шугнанской волости летом 1902 г. Он также хотел «обратить неверных в ислам» и на этой почве здоро-

во попортил отношения с исмаилитскими ишанами. Он не извлек уроков из предыдущих событий. Кроме того, он по прибытии приступил к сбору налога с населения, что было отменено русскими на несколько лет.

Характеризуя нового бека, начальник Хорогского поста⁴⁷ Снесарев писал: «Разница между новым беком на Памире и смещенным заключается в том, что прежний бек либо нещадно обирал население, либо наказывал его розгами, но почти никогда не совмещал этих два наказания. Нынешний же бек их совмещает: провинившихся бьет розгами, а потом с них же берёт штраф, причём в качестве предлога для этих экзекуций практикуются придирки, даже не прикрытые каким-либо приличным предлогом» [82, 58].

Кроме всех пороков бухарские чиновники отличались еще и пристрастием к аморальному поведению. В этом отношении они были один хуже другого. В связи с чем Половцов писал: «Возбуждая против себя ненависть населения своим отношением к его религии, бухарские чиновники внушают в то же время таджикам отвращение к себе своею склонностью к разврату и противоестественным порокам. Бухарцы нисколько не желали считаться с нравами горцев и очень скоро после своего водворения в Шугнана, Рушана и Вахана начали силою отнимать у таджиков приглянувшихся им девушек, женщин и мальчиков» [82, 115]. А Мирза Юлдаш-бий, согласно донесению барона Черкасова, «вскоре по приезде своем в Калаи Ватар отнял у трех жителей селений Барзуд в Рушана их жен, насильно держал их у себя почти 2 года, а затем, в сентябре 1904 г., за несколько дней до приезда в Калаи Ватар его семьи, прогнал от себя несчастных опозоренных таджичек в одних рубахах. В то же время, бек не расставался с бачей — так же насильно отобранным у родителей мальчиком с Бартанга» [82, 115].

Все указанные поступки бека вызывали массовые волнения и накалили обстановку до предела. И когда летом 1903 г., 4 августа, он поехал в Вахан за сбором отмененных русскими налогов и потребовал к себе для известной цели сына зунгского аксакала чаша терпения переполнилась, и возмущенный народ восстал против

него: бека вместе с его ноукерами схватили и, связав веревками, хотели утопить в Пяндже. Лишь вмешательство русских офицеров спасло их от расправы.

Но и после этого случая Мирза Юлдаш по-прежнему действовал безрассудно, оскорбляя и унижая без какой-либо причины людей, которых считал вероотступниками, заслуживающими самой страшной кары. Его политика была построена по принципу «насилия во всем», из-за чего более или менее зажиточные люди, а также исмаилитские ишаны и пиры начали уходить в Афганистан. Юлдаша это несколько не волновало, но русские считали это неприятным инцидентом для своего престижа. Особенно сильно обеспокоил русских уход в Афганистан самого авторитетного пира Шугнана Саида Юсуфалишо.

С этого момента начинается активная деятельность одного из русских офицеров А. Черкасова⁴⁸ на Памире. Русские, считавшие до недавнего времени, что в этом районе проживают шииты, вдруг узнали из материалов, опубликованных англичанами, что на Памире, как и в Гиндукушских княжествах, живут не шииты, а исмаилиты — последователи Ага-Хана. Для выяснения этого вопроса летом 1901 г. туда был направлен граф А. А. Бобринский⁴⁹. Он в течение нескольких месяцев, находясь в Шугнани, беседовал с пирами-исмаилитами — Саидом Юсуфалишо, Саидом Мурсалем и Саидом Ахмадшо. Его беседы вошли в опубликованную им в следующем (1902) году книгу [16, 4–17].

Но в практическом решении вопросов и проблем, возникших на религиозной почве, самое непосредственное и активное участие принимал барон А. А. Черкасов. Его деятельность началась с возвращения, по его просьбе, ишана Саида Юсуфалишо. На этом инциденте остановимся более подробно, так как он имел решающее значение в деле «реабилитации исмаилизма» как такового и признания его наравне с суннизмом со стороны русских властей в Средней Азии. После того, как Саид Юсуфалишо высказался категорически против политики насильственной суннизации, проводимой Мирза Юлдашем, тот пригрозил ему физической расправой.

Не видя иного выхода, ишан переправился к своим запянджским мюридам в афганский Шугнан. Но афганские власти не разрешили ему поселиться среди своих мюридов, а предложили местожительство в Файзабаде, на что пир не согласился. Эмир Хабибуллахан распорядился во что бы то не стало удержать ишана в Афганистане. Оттуда Саид Юсуфалишо направил письмо на имя Имама Султан Мухаммедшаха с просьбой указать: как ему быть? Имам ответил ему, что «уходить из-под власти одних суннитов (бухарцев) под власть других (афганцев) не имеет никакого смысла, и приказал ждать помощи от русских на Российской территории и держаться с русскими» [82, 108]. Получив такое распоряжение Имама, 25 августа 1904 г. Саид Юсуфалишо направил в Хорог одного из своих мюридов, через которого передал начальнику пограничного поста, что хочет узнать мнение русских на счет его возвращения на родину.

На его просьбу барон А. А. Черкасов ответил положительно и доложил генерал-губернатору Туркестана о том, что «выяснив для себя значение столь выдающейся личности, как ишан Саид Юсуф Алиша, и существующую для нас необходимость пользоваться услугами этого человека, я позволил себе поручить передать ишану, что по-моему ему следует приехать на этот берег, чтобы затем вместе с Азизханом (волостным управителем Шахдары. — А. Ш.) ехать на Памирский пост и сделать все возможное для своей реабилитации» [82, 98]. Получив фирманы Имама Времени и разрешение русских должностных лиц на возвращение на родину, пир Саид Юсуфалишо 8 августа 1904 г. вернулся на таджикский берег и привел с собой еще 40 человек своих мюридов. Очевидцем этого события был и Б. А. Федченко, который писал об этом следующее: «Вечером (8 августа 1904 г.) нам пришлось познакомиться еще с двумя выдающимися местными жителями, судьба которых была впоследствии очень различна: один — это поручик Ф. Глуздовский (начальник Ишкашимского укрепления), другой почетный гость того дня был ишан Саид Юсуф Алишо, являющийся духовной главой всего Шугнана. Умное, энергичное лицо Саид Юсуф Алишо произвело на всех нас сильное впечатление, хотя и трудно было

предвидеть, до какой степени велико влияние его в Шугнанском народе» [80,21].

Через несколько дней, 14 августа 1904 г., Саид Юсуфалишо в сопровождении Б. А. Федченко выехал на русский пост Памира и оттуда в Ташкент. Подчеркивая значение этого события, барон А. А. Черкасов в секретном письме на имя политагента в Бухаре от 22 октября 1905 г. за № 5 писал: «Возвращение в Шугнан поршиневского ишана Саид Юсуф Алишо не только привело в восторг и преисполнению благодарностью к русскому правительству его муридов, но было приветствовано также и главой секты “панджтан” Ага-Ханом, который, получив известие о возвращении Саид Юсуф Алишо, громогласно произнес благословения по адресу всех, оказавших содействие в реабилитации ишана» [91, 40].

Много лет спустя, в 60-е годы, этот факт истории был преподнесен в совершенно извращенном виде одним из современных таджикских ученых, вышеупомянутым Т. Г. Тухтаметовым, который, обосновывая геноцид бухарских чиновников в отношении исмаилитов Памира и объясняя восстание народа в 1904 г. как результат «политики английского империализма и его поборника Ага-Хана», пишет, что «говоря о происках англичан на рубеже XIX и XX вв., следует рассмотреть события и в Бухарской части Памира. Здесь им большую помощь оказал руководитель секты исмаилитов, Мухаммедшах (Ага-Хан). Он, получив задание от английской разведки организовать антибухарские волнения жителей, поручил его исполнение своему подчиненному ишану Юсуф-Али-ураку, который в Шугнани и Рушани имел около 200 муридов» [76, 151].

В отличие от Саида Юсуфалишо, который твердо и последовательно держался прорусской ориентации, другой пир Саид Мурсал, наоборот, имел пробухарские и проафганские настроения. Но в то же время находился в хороших отношениях и с русскими офицерами. На этой почве между двумя пирами возникли споры и недопонимание, что заканчивалось нередко конфликтами между их последователями. Саид Мурсал был непосредственно причастен к эмиграции Саида Юсуфалишо, ибо он действовал заодно с Мир-

за Юлдашем. Это очень беспокоило А. А. Черкасова, который во избежание дальнейшей конфронтации между пирами по возвращении из Ташкента вместе с Саид Юсуфалишо остановился по дороге к кишлаку Сардем и оттуда написал письмо брату ишана Саид Мурсала Мирза Исмаилу, с которым поддерживал близкие дружественные отношения. Письмо А. А. Черкасова написано им собственноручно и датировано 28 джади 1905 г. (16 зулькаъда 1323 г. х.), или 28 декабря 1905 г. (Подлинник находится сейчас у одного из родственников Саид Мурсала.) Оно показывает превосходное владение барона персидским языком и литературой, ибо написано почти поэтически. В нем А. А. Черкасов, в частности, сообщает о том, что «слышал о недоразумениях, возникших между двумя выдающимися пирами — служителями бога Саид Мурсалом и Саид Юсуфалишо», что весьма огорчило его. Ибо, они — два дерева из одного сада и не должны враждовать друг с другом. Подчеркивая свою нейтральность по отношению к каждому из них, он пишет: «я не могу смотреть на одного из них правым, а на другого левым глазом, а смотрю на них одинаково, обеими глазами...»

Приведя много изречений и цитат из Библии, он умоляет их перестать враждовать между собой, ибо это вредит не только им обоим, но и всему обществу исмаилитов. Поэтому он просит своего друга Мирза Исмаила содействовать примирению этих двух лиц. Он пишет: «Поверьте, я прибыл из Бухары только ради вашей дружбы, благополучия и спокойствия и не хочу, чтобы между вами, являющимися великими проводниками своих муридов и связанных нитью любви с Его Высочеством Агаханом, имелись бы какие-либо недоразумения или вражда. Я призываю Вас к тому, чтобы Вы поклялись именем Его Высочества Ага (Хана) и больше не враждовали друг с другом... Если один служитель бога оскорбляет другого служителя бога и Ага (Хана), сам невольно становится оскорбленным перед Его Высочеством Ага (Ханом), перед пророками, перед Богом!..»*

* Копия письма барона А. А. Черкасова имеется у нас.

Конечно, Саид Юсуфалишо, как порядочный человек, не забывал все то, что сделал для него барон А.А. Черкасов. Он считал себя его должником и поэтому предлагал ему свои услуги. Об этом пишет А.А. Черкасов в своем вышеупомянутом донесении, что «15 октября 1905 г. ишан Саид Юсуф Алишо отправил закят в количестве 3000 рупий (1200 рублей) и приветственное письмо Ага-Хану. Их повезли дарвазский халифа Мухаммад Шариф, дарвазский житель Ибрагимбек и поршиневакский житель Шосаломат». Далее он говорит о том, что «ишан не делал из этого никакой тайны и сам просил меня считать его людей в своем распоряжении на предмет каких-либо поручений». И добавляет, что «не зная ранее ни одного из посланцев, я воздержался от возложения на них поручений секретного характера» [91, 40]. Позже, используя этот и другие подобные документы, ишаны и их мюриды были обвинены в шпионаже в пользу англичан и русских.

Собранный за 1904 г. закят мюридами Саида Юсуфалишо был отправлен в его отсутствие. Закят повезли в Бомбей мюриды ишана — жители Поршнева — Кишкарбеки Сайёрабек, Додалии Мухаммад Хасан, Давлаткадами Мубораккадам и Даврони Тавалло, которые привезли расид (квитанцию) о сдаче ими закята. В этом документе Имам Султан Мухаммедшах наставляет своих приверженцев «не поддаваться влиянию и уловкам сатаны и сатанинских людей, которые являются разбойниками на пути религии»*. Таким образом, благодаря вмешательству русских, и барона А.А. Черкасова в первую очередь, пир Саид Юсуфалишо вернулся на родину в августе 1904 г. и жил спокойно до 1922 г.

В 1905 г. зебакский ишан Шахзада Лайс, который несколько лет тому назад поселился в Читрале, из-за давления со стороны афганских властей обратился к начальнику Лянгарского поста с просьбой разрешить ему переселиться на русскую территорию и жить там. Об этом писал капитан Э.К. Кивекэс⁵⁰ в своем рапорте за № 276 на имя начальника Штаба Туркестанского Военно-

* Копия расида (квитанции) имеется у нас.

го Округа следующее: «Главный английский разведчик в Читрале ишан Шах Зада Лайс обратился через своего мюрида к начальнику Лянгарского поста с просьбой переселиться в наши пределы, в Вахан. Я приказал начальнику Лянгарского поста ответить ему, что дать подобное разрешение Шах Заде Лайсу не в его власти и что русские и бухарцы вообще никого к себе не заманивают и даже не жалуют, потому что свободных земель, где могли бы поселиться пришельцы, на правом берегу реки Пяндж в настоящее время не имеется» [86, 24].

Это был, конечно, выдуманный предлог для недопущения «английского разведчика — Шах Заде Лайса» переселиться на русскую территорию, который якобы просился не сам, а, как писал дальше Э. К. Кивекэс, «просился к нам по приказанию англичан, почему я считаю, что пускать его в наши пределы не следует» [86, 44]. Получив отказ от русских, Шах Зада Лайс обратился к англичанам с просьбой о том, чтобы они дали ему возможность вернуться в Зебак (Афганистан). Они ответили ему, что «если он переселится в Афганистан, то этим он оскорбит английское правительство» [86, 222]. Это содержится в рапорте Э. К. Кивекэса в Штаб Туркестанского Военного Округа от 1 ноября 1905 г. за № 364.

Что заставило ишана Шах Зада Лайса так упорно искать убежище в других государствах нам не известно. Может быть, это решение ишана как-то было связано с политикой эмира Афганистана Хабибуллахана, который намеревался вернуть в Афганистан всех исмаилитских ишанов. С этой целью он назначил своего сына Инаятуллахана своим представителем в Бадахшане, который непосредственно должен был заняться проблемой возвращения «ишанов-беглецов». Он должен был «заставить их принести раскаяние и возвратиться на родину, обещая им поставить их правителями Вахана, Шугнана, Ишкашима, Мунджана и Дарваза» [84, 70]. А в донесении доверенного политагента в Бухаре Я. Я. Лютшу от 12 января 1905 г. за № 19 говорилось, что по слухам из Файзабада, Инаятуллахан (старший сын эмира афганского) был в то время назначен правителем Бадахшана с особым поручением склонить

более или менее знатных выходцев из Бадахшана, живущих в бухарских владениях, в Гиссаре и Кулябе, к возвращению на родину. Это касается, в частности, Ишана Шаха Зада Лайса, находящегося в Читрале, и ишана Саид-Ахмадшаха, живущего в Шахдаре [85, 706].

Ишан Саид Ахмадшах был родом из Мунджана, в результате захвата Бадахшана афганцами он эмигрировал в Читрал, но оттуда, из-за конфликта с упомянутым Шах Зада Лайсом, был вынужден переселиться в Вахан (Лянгар). Это было в 1889 г. Позже он переехал оттуда в Шахдару и поселился в кишлаке Тавдем, где и жил до 1905 г. И вот когда он узнал о том, что афганские власти приглашают его вернуться в Мунджан, он тут же согласился и в начале июля 1905 г. послал своего брата Харезмшаха в Бадахшан, «чтобы получить согласие афганского правительства на его возвращение в ранее принадлежавший ему Мунджан» [85, 706].

Генерал Тадж-Мухаммадхан, начальник афганского гарнизона в Файзабаде, с удовлетворением принял это предложение Саид Ахмадшаха и направил ходатайство к губернатору Инаятуллахану назначить его правителем Мунджана. Тем временем Саид Харезмшаха отправили в Мунджан для того, чтобы он указал все принадлежавшие ишану ранее земли. По его просьбе «из Мунджана была отозвана сначала половина находящегося там гарнизона, а затем и остальные 50 человек» [91, 40]. После выполнения этих условий, Харезмшах в начале сентября 1905 г. вернулся в Файзабад и обо всем доложил Инаятуллахану. Тот, в свою очередь, на основании доклада Харезмшаха сделал представление в Кабул о восстановлении Саида Ахмадшаха в имущественных правах и о назначении его правителем Мунджана [91, 40]. Но когда его брат возвратился домой и Саид Ахмадшах, узнав о том, что афганский наместник Бадахшана Инаятуллахан направил эмиру Афганистана прошение о назначении правителем Мунджана, тут же поспешил получить разрешение у русских переправиться на афганский берег. Но, увы, судьба распорядилась иначе. Барон А. А. Черкасов во имя «престижа России» ответил ему категорическим отказом и доложил своему

начальнику, что «постарается приложить все усилия к тому, чтобы отклонить ишана Саид Ахмадшаха от его намерения переселиться в Афганистан» [91, 41].

Ишан упорно настаивал на своем, заявляя, что в любом случае он обязательно переселится на свою родину в Мунджан, откуда насильно его выдворили афганцы. У русских не осталось другого выхода, кроме как избавиться от него. Через одного из слуг ишана они отравили его, и он, переправившись в районе Ишкашима на тот берег, там же и скончался. Перед смертью он сказал своим мюридам, что он это знал, чувствовал, что так и кончится его жизнь, ибо сердце ему подсказывало, что «хоки Мунчон ба ман муяссар мешавнд, аммо оби Мунчон не!» («земля Мунджана достанется мне, а вода Мунджана нет!»). Его безжизненное тело перевезли в Мунджан и там похоронили. Это преступление А.А. Черкасов оправдывал тем, что нельзя было «дать афганцам (и даже англичанам), ввиду близости Мунджана к английским владениям, возможность через ишана проводить свое влияние на нашем Западном Памире, что было бы, конечно, неблагоприятно»⁵¹ [91, 41].

Таким образом, был уничтожен пир, который имел больше мюридов, чем все остальные пиры, вместе взятые. О том, какие гонения пережил этот человек за последние несколько лет своей жизни, писал граф А.А. Бобринский, побывавший у Саида Ахмадшаха в августе 1901 г. Он, в частности, писал со слов ишана, что восемь поколений тому назад предки переселились из Медины в Мунджан, где и жили до последнего времени. Рассказчик перебрался оттуда в Читрал, но англичане попросили его удалиться из своих пределов, находя, что у него слишком много подчиненных в других государствах. Второй год он находился в Шахдаре, а «семья только что приехала кружным путем через Каракорум, афганцы не пустили их через свои владения» [16, 11]. Нужно было пройти огромный путь вокруг Гиндукуша, чтобы найти свою смерть на Памире! После Саида Ахмадшаха пиром стал его сын Саид Махмудшах⁵², также отравленный ядом в 1932 г. вместе с Саидом Юсуфалишо и Саид Мурсалом, обвиненными в причастности к «заговору против со-

ветской власти». Также в Хорогской тюрьме в 1942 г. был убит его 24-летний внук Ходжа Бадал⁵³. В живых осталась только дочь Ходжа Бадала, которой тогда было 8 лет.

Спрашивается, для чего англичане и русские, поделившие между собой исмаилитские страны по верховью Аму-Дарьи, так подло обошлись сначала с их шахами — правителями, а затем и с их пирами? Прямого ответа на этот вопрос не существует, но косвенно можно предположить, что обе эти державы боялись личности Ага-Хана и его влияния на исмаилитов Гиндукуша и Памира. Они считали, что он может создать в этом районе новое исмаилитское государство. В этом вопросе англичане вели двойную игру: оккупировав Читрал в 1895 г. и установив новые границы с Россией, они никак не хотели уступать исмаилитские княжества Гиндукуша Ага-Хану⁵⁴, а намеревались «подарить» ему «Ваханский коридор» и Бадахшан. С этой целью они вели переговоры с эмиром Афганистана, о чем барон А. А. Черкасов докладывал в МИД следующее: «Лорд Минто прислал эмиру Хабибулла-хану письмо, в котором уведомляет, что Его Высочество Ага-Хан намерен провести несколько лет в Бадахшане, чтобы они не делали никаких затруднений этому высокопоставленному лицу и не вмешивались в его дела. На это эмир ответил одобрением и согласием. Однако англичане со свойственным им лукавством и пронырливостью не оставили Афганистан в покое и нашли нужным послать одного из помощников лорда Минто в Кабул, чтобы тот обсудил это дело с эмиром и заключил по поводу его письменное соглашение» [88, 19–20].

Что же касается Ваханского коридора, то если вспомнить условия договора 1895 г., один из его пунктов гласил, что эта часть Вахана должна была быть отдана англичанам. Об этом говорилось в ноте английского правительства от 15 февраля 1893 г., переданном Министерству иностранных дел России послом Робертом Мариером*, что при определении и разделе территорий памирских стран «правительство Её Величества предлагает: исследовать географи-

* Роберт Мариер (Robert Morier).

ческие условия памирских округов с тем, чтобы определить, какая часть этой никому не принадлежавшей территории по справедливости должна входить в сферу влияния Англии» [99, 211]. Там же были и определены границы этой территории, и требовалось, чтобы «часть Памира, ограниченная с юга Гиндукушем, с севера линией, соответствующей широте озера Виктории и проведенного от восточных границ афганской территории к западной границе китайской территории, была признана входящей в сферу английского влияния и чтобы не могли ею распорядиться без ведома и согласия Англии» [99, 211].

По всей вероятности, англичане намеревались использовать данную территорию для создания отдельного государства на севере Индии, куда постепенно входили бы все населенные исмаилитами районы, отошедшие к русским. Во всяком случае, имеется подлинное письмо барона А. А. Черкасова на имя вице-консула Я. Я. Лютша⁵⁵ от 3 марта 1906 г. за № 20, отправленное из Хорога под заголовком «О поддержке англичанами Ага-Хана в его стремлении получить светскую власть над членами секты исмаилитов на Памире» [88, 18].

Письмо составлено на основе донесения разведчика политического агента 25 февраля 1906 г., побывавшего во всех районах проживания исмаилитов как на Памире, так и в Пригиндукушском регионе. Эту работу он исполнял в течение двух лет. Выражая озабоченность стремлением англичан перейти к новым активным действиям в Пригиндукушской и восточноафганской территориях, А. А. Черкасов докладывал, что «Ага-Хан ещё осенью прошлого года приехал в Пешавар и намеревался приехать в Читрал и далее. Окончание войны с Японией заставило (его) отказаться от этого плана и принять выжидательное положение» [88, 18]. И далее добавляет, что «ныне обстоятельства благоприятствуют англичанам еще более, чем 6 месяцев тому назад, и если в течение минувшей зимы не удалось при помощи Ага-Хана подготовить население Бадахшана и Пригиндукушья к мысли о близком пришествии англичан, то теперь в этом направлении предпринимаются шаги с несравненно большими шансами на успех» [88, 18].

Далее автор, ссылаясь на сведения, полученные из периодической печати о ситуации в указанных районах к августу 1905 г., делает такой вывод: «Можно предположить даже, что Ага-Хан стремится к получению светской власти над своими мюридами, в каковом плане встречает поддержку со стороны англичан, ибо с приведением его в исполнение они получают вассала, в высшей степени способного содействовать им в дальнейшем и управляющего населением, беспредельно преданном своему владыке и благодарном англичанам» [88, 18]. Изложив все это, барон А. А. Черкасов предупреждал российских чиновников высшего ранга о том, что «при таких обстоятельствах наше положение на Памире станет совершенно невозможным, ибо не в силах человеческих в несколько месяцев упрочить политическое положение там, где в течение десяти лет, т. е. с 1894 по 1905 годы, ровно ничего не было сделано в интересах России и где у народа было отнято все, кроме фанатической преданности своему духовному главе» [88, 18]⁵⁶.

Эта ситуация заставила русских предпринять решительные шаги в плане изменения статуса и социально-политического положения Западно-Памирского региона, который был изъят из состава Бухарского ханства и передан в подчинение туркестанского генерал-губернатора. Можно сказать, что российское правительство поняло правоту выводов графа А. А. Бобринского, который писал: «Отсутствие фанатизма в общении с христианами, вражда, даже некоторое презрение к шиитам и суннитам указывают нам, какую благодатную почву представляют сектанты для насаждения среди них русской культуры, как легко выработать из них преданных нам друзей и тем самым создать на далекой окраине, на рубеже трех государств (имеется в виду Афганистан, Британская Индия и Китай. — А. Ш.) верный и надежный оплот против врагов русского владычества в Азии» [16, 18].

Также и барон Черкасов в самом начале своей миссии писал: «Знакомство с делами канцелярии по делам Памиров привело меня к убеждению о необходимости тщательного изучения экономического положения населения памирских бекств, системы бухарско-

го управления ими и роли религиозных воззрений таджиков, так как, насколько я мог вывести из теоретического знакомства с делами, памирские бекства могут быть вполне утилизированы, как великолепный наблюдательный пункт только при умелом пользовании своеобразной местной религиозной общиной и привлечения на нашу сторону всех симпатий населения путем обеспечения трудного его материального положения и основных прав каждой личности» [88, 46].

Для осуществления новой политики Российской империи в отношении памирских исмаилитов барон А. А. Черкасов 15 июня 1904 г. получил приказ об отправлении на Памир. В его задачи входило выяснение связи населения памирских бекств с их главой Ага-Ханом и составление более полной характеристики исмаилизма и его духовных лидеров. С первых же дней по приезде в Шугнан российский посланник постарался приобрести расположение и доверие религиозных наставников. Это у него получилось, поскольку народ и пиры питали большие симпатии к русским. Кроме того, А. А. Черкасов мог общаться без переводчика, так как превосходно владел персидским языком и имел общие сведения об исмаилизме, что во многом расположило к нему и пиров, и народ.

Черкасов подробно описал все стороны религии («панчтани») — религии «пяти особ», начиная от вопросов познания бога и имама и заканчивая описанием религиозно-этнографических ритуалов исмаилитов. Барон А. А. Черкасов дает, в отличие от других чиновников и современных исследователей, занимающихся исмаилизмом, самую объективную оценку деятельности Ага-Хана по отношению к шиитам. Он пишет, что англичане должны ухаживать за Ага-Ханом, ибо «по одному зову этого человека в Индии и сопредельных местностях может явиться несколько сот тысяч человек, недовольных английским режимом» [82, 107]. Русских беспокоило, как поведет себя Ага-Хан в отношении своих последователей на российской территории. А. А. Черкасова также интересовал вопрос: «захочет ли Ага-Хан в угоду англичанам внушить тем из своих мюридов, которые живут на российской территории

Памира, не состоять в их подданстве, ненависть к их правительствам, расположение к англичанам» [82, 107].

Рекомендация Имама Времени Султана Мухаммадшаха Ага-Хана III пиру Саиду Юсуфалишо переправиться к русским, а не приезжать к англичанам, говорит о том, что имам в данном случае действовал совершенно самостоятельно без какой-либо указки или же давления со стороны англичан. Впоследствии некоторые исследователи обвинили Султана Мухаммадшаха в том, что он якобы был агентом английской разведки и выполнял только их поручения, защищая интересы английской короны в Индии и на Востоке. Как бы заранее опровергая подобного рода обвинения, А.А. Черкасов в своем отчете пишет, что «Ага-Хан не только не предупредил англичан о Читральском восстании 1895 г., но даже не предупредил англичан о планах своих мюридов, которые едва ли были ему не известны» [82, 107]. В первую очередь Ага-Хан думал о своих последователях, а не о благополучии английских колонизаторов.

Султан Мухаммад шах с самого начала правления и до конца жизни последовательно наставлял своих приверженцев быть преданными той стране и тому правительству, которое имеют. Например, в одном из последних своих фирманов (переданном из Танзании) он говорил исмаилитам: «Вы должны понимать, что у вас всегда будут две основополагающие обязанности: первая и высшая из них — ваши религиозные обязательства перед исламом и вашим имамом. Вторая ваша обязанность — светская: вы всегда должны быть верны той стране, которая приняла вас, и любому правительству, ответственному за вашу безопасность и благосостояние» [31, 100].

В 1910 г. имам Султан Мухаммадшах предпринял новую попытку повидать своих мюридов на территории Афганистана. Об этом доложил 1 апреля 1910 г. начальник Хорогского поста полковник Муханов в своем рапорте на имя окружного генерал-квартирмейстера Штаба Туркестанского военного округа. Согласно этому документу, Ага-Хан написал своим приверженцам письмо, чтобы они «построили для него помещение в Кабуле и Мазари-

Шарифе. Он намерен предпринять хадж в Мазари-Шариф и по пути остановиться в Кабуле, чтобы повидать мюридов» [88, 18]. Англичане вызвали эмира Афганистана в пограничный Джалал-Абад, где провели с ним переговоры относительно данной поездки Ага-Хана, в ходе которой они «требовали гарантий безопасности путешествий Ага-Хана со стороны эмира» [88, 18].

Русские пристально следили за сношением аппарата Ага-Хана с англичанами, подобные намерения порою являлись причиной их беспокойства, о чем полковник Суханов писал так: «Таджик-исмаилит глубоко чтит своего старшего пира Ага-Хана, проживающего в Бомбее, как преемника Али. Это обстоятельство заставляло нас, русских, относиться к этой секте осторожно, если не сказать недоверчиво. Всегда казалось нам возможным распространение вредного влияния англичан через Ага-Хана и его помощников-ишанов. Однако такие страхи имеют лишь теоретическое основание» [57, 38–39]. Хорошо изучив ситуацию, в которой находились исмаилиты, полковник Муханов пришел к выводу, что «не касаясь совершенно личности Ага-Хана, насколько возможно, с его стороны ожидать принесения в жертву англичанам интересов своей секты (которая итак находится в некоторой опасности) заметим, что никакого вредного для нас влияния среди исмаилитов не замечалось. Думается также, что если бы англичанам и пришла в голову такая мысль на ум, то даже при благосклонном сочувствии тому Ага-Ханом (если только таковое можно допустить) пришлось бы предварительно немало времени потратить на уничтожение престижа русских» [57, 39].

Необходимо признать, что русские до Октябрьской революции никогда не стремились к тому, чтобы опорочить Имама в глазах его памирских приверженцев. Эта политика стала основной задачей «атеистических фанатиков» в послереволюционный период. Имам Султан Мухаммадшах со своей стороны искал пути сближения со своими бадахшанскими последователями и ни на минуту не забывал о них. Об этом свидетельствуют его фирманы, направленные на имя пиров и мюридов Памира. На одной из своих встреч

с представителями исмаилитов русского Памира в ноябре 1913 г. он говорил о том, чтобы они «не поддавались всякой злоумышленной агитации о расколе среди исмаилитов и ждали его приезда после достижения согласия с русским царем на сей счет» [92, 141].

Такая встреча у него состоялась в Санкт-Петербурге, о чем мы, к сожалению, практически не имеем сведений. После посещения им России Имам, по словам полковника Ягелло, настаивал, чтобы его последователи «в каком бы государстве не находились, не должны примыкать к суннитам, а действовать заодно с Англией и Россией» [93, 232]. Он прекрасно понимал, что его мюриды, разделенные между этими двумя державами, должны сохранить, ради собственного спасения, лояльность к тому правительству, которое имели в тот момент. Это подчеркивал и барон А. А. Черкасов, писавший, что «несколько раз мне довелось слышать то, что Ага-Хан в посланиях к афганским и памирским мюридам советует тем и другим уповать на милость божью и надеяться первым на помощь англичан, а вторым — на помощь русских в деле освобождения от суннитского ига» [82, 108].

В 1904 г. был снят с должности и отправлен в Бухару наместник Памира Мирза-Юлдаш-бий. На его место был назначен Мирза-хусайн джевачи. Как пишет А. А. Черкасов, на этот раз «выбор бухарского правителя оказался удачным, ибо Мирза Хусайнбек весьма скоро сумел поставить себя в надлежащее отношение к населению и к начальнику отряда. Туземцы уже поэтому относятся к нему гораздо дружелюбнее, чем к его предшественникам, что Мирза Хусайнбек — шиит, а не суннит. Минувшим летом один из жителей Паршинева выдал за него замуж свою дочь, благодаря чему джевачи еще более сблизился с населением» [89, 19]. Хусайнбеку была назначена заработная плата в размере 60 рублей в месяц, которую он получал в Хорогском отряде. Поэтому он не имел права требовать от населения выплаты каких-либо налогов или бесплатно заставлять людей выполнять его приказы, как делали его предшественники.

В январе 1905 г. в Ташкенте было создано специальное совещание, которое рассмотрело вопрос об изъятии Западно-Памирских бекств из состава Бухарского эмирата и включении их в состав Российской империи. В работе совещания принимали участие генерал-лейтенант Сахаров, генерал-майор Евреинов, генерал-майор Федотов, а также Н. Ф. Федоров⁵⁷, Половцев, А. А. Черкасов, капитан Кивекэс, капитан Готшлак. После рассмотрения вопроса комиссия признала своевременным изъять Шугнанское бекство (куда входил весь Западно-Памирский регион без Дарваза) из владения бухарского эмира и установить там российское управление. И «чтобы не создавать “прецеденты” для Англии, это мероприятие намечалось провести “нелегально” и без формальных условий передачи» [82, 69]. Таким образом, в середине 1905 г., по ироничному замечанию Н. А. Халфина, «эти злосчастные бекства были также спокойно изъяты из Бухарского ханства, как невозмутимо они были ему навязаны» [82, 73]. Это историческое событие произошло 18 июня 1905 г.

Бухарский бек Мирза-хусайнбек был понижен в должности и превратился в простого «мирзу» — писаря правительства Бухары при начальнике Хорогского Пограничного поста без каких-либо полномочий. Таким образом, был положен конец произволу бухарских администраторов в отношении исмаилитов Памира. С этого момента начался новый этап в истории исмаилитов, которые получили возможность открытого сношения с Дарбаром и Имамом Султан Мухаммадшахом. Прав был барон А. А. Черкасов, писавший в связи с этим, что «полная отмена, с фактическим переходом управления Западным Памиром в русские руки, (и отмены) притеснений в свободном исполнении таджиками обычаев их религии и добровольно принятых ими на себя обязанностей по отношению к их духовному главе Ага-Хану также достойно оценена горцами Западного Памира. В 1905 г., осенью, их ишаны впервые совершенно открыто послали в Бомбей собранный среди мюридов “назр” или “зякет”» [58, 44]. Это действительно так и было, ибо большая часть фирманов Султан Мухаммедшаха относится к периоду с 1905 по 1932 гг.

Так продолжалась жизнь исмаилитов под формальным начальством символического «бека-мирза» — представителя эмира бухарского до Февральской революции 1917 г. Русские стали настоящими хозяевами как Восточного, так и Западного Памира. Поэтому вскоре после Февральской революции, 8 мая 1917 г., созданный на Памире волостной исполнительный комитет вынес историческое решение, в котором указывалось, что «обсудив вопрос о переустройстве самоуправления на новых началах и о том, нужен ли в Шугнана в настоящее время представитель Бухарского правительства, т. е. исполняющий должность Шугнанского бека, Шугнанский волостной исполнительный комитет постановил: ввиду смерти исполняющего обязанности Шугнанского бека Мирза Касир Мирахура, представителя от бухарского правительства за ненадобностью, вследствие перехода на самоуправление, больше не назначать» [68, 298]. Председателем волисполкома был в это время Хайдаршо Муборақшахзода*. Это явилось историческим решением волисполкома, на основе которого в 1925 г. была образована Горно-Бадахшанская автономная область в составе Таджикистана.

Подытоживая вышеизложенный материал, можно сделать вывод, что русское правительство пошло на большой рискованный шаг, изъяв весь Западно-Памирский регион из состава Бухары и включив его в свои владения, дабы не допустить отхода этих территорий к английским владениям. После 1905 г. жизнь горцев заметно улучшилась. Была построена дорога Ош—Хорог, в 1909 г. открыты новая русско-туземная школа в Хороге и поликлиника. Народ был освобожден от всех видов налогов и повинностей. Русские сдержали свое обещание и избавили население Памира как от афганцев, так и от бухарцев. Прав был полковник Муханов, когда писал, что «по отношению к русским таджик отличается большой преданностью. Он не без гордости называет себя подданным “белого царя”, чему так завидуют его левобережные соседи» [57, 45].

* Автор «Истории Шугнана», изданной А. А. Семеновым в Ташкенте в 1915 г.

4. Отношение Советской власти к исмаилизму и «дело о заговоре ишанов». Борьба атеизма и религии

Победа Октябрьской революции в России коренным образом перевернула жизнь всей империи до самых глухих ее окраин. Несмотря на то, что Памир был страной бездорожья и фактически оторванным от главных центров не только российской империи, но и Бухары, тем не менее, весть о революции дошла до горцев сравнительно быстро.

Падение царизма в России и победа буржуазной революции в 1917 г. обрадовала бухарского эмира, который хотел воспользоваться ситуацией и вернуть себе утраченные Западно-Памирские районы. С этой целью он проинструктировал дарвазского наместника, чтобы тот уговорил памирских влиятельных лиц, в первую очередь пиров, от своего имени и от народа подать прошение эмиру о взятии их под свое покровительство. Дарвазский бек Тураб-кули выполнил это поручение и написал письмо на имя волостного правителя Шахдары Азизхана. В ответном письме Азизхана беку говорилось: «Вы приказали: эмиру скорее подайте жалобу, что неверное русское государство разрушилось и Шугнанская область без головы осталась. Нужно, чтобы Вы, основание веры, завладели шугнанским народом. Не медлите, иначе мы, приведя войска афганские, область Шугнанскую их власти передадим» [68, 299].

Выполняя приказ Тураб-кули, Азизхан, пир Саид Махмудшо (сын Саида Ахмадша) и Саид Мурсал в ответном письме на имя бухарского эмира писали: «Прошение от ничтожных молящихся, головы которых наравне с землей и жизнь которых ничего не стоит. От всех рабов крепко Вас любящих и от всего сердца исполняющих ваши приказы. Да достигнет эта жалоба Вашего Величества!

Мы Ваши рабы, приносим себя Вам в жертву. Просьба всех молящихся и всего народа такова: в это благополучное время, по воле божьей, народ стал свободным и склонным к республике. Поэтому лицо свое в сторону мусульманского царя повернув, в наших несчастьях и разрухе мы надеемся и просим, чтобы Вы распространили тень ног Вашего Величества на головы всех нас молящихся и всего народа. Назначьте Вы, Ваше Величество, унижающих бедных и ничтожных рабов своих Темурша ишик-баши для управления нами и всем народом, — окажите эту милость» [68, 300]. Возникает вопрос: кто этот Темурша, которого эти люди предлагают возглавить власть в Шугнани? Конечно, это тот же Темуршахан, который был назначен комендантом крепости Бар-Пянджа и теперь предлагался на более высокую должность. Здесь надо напомнить, что этот человек был когда-то прапорщиком у эмира Бухары и после эмиграции в Афганистан приблизился к афганскому эмиру Абдурахман-хану и преданно служил ему. Теперь он «выдвигается» своими сторонниками — Азизханом и двумя упомянутыми пирами, чтобы возглавить власть в Шугнани и Рушани, Но в Шугнани, кроме автора вышеприведенного прошения, все от мала до велика ненавидели Темурша из-за его жестокости и аморального поведения.

Его двоюродный брат Абдулгиясхан⁵⁸, сын казненного Юсуфали-хана, бежавший из Кабульской тюрьмы и обосновавшийся в Рушани, также не расставался с мыслью о завладении Шугнани и ждал удобного момента. Произшедшая революция в России вновь вывела его на политическую арену.

По случайности, гонец, везший вышеупомянутое письмо к дарвазскому миру Тураб-кули, остановился на ночь в доме Абдулгиясхана, а тот, узнав о целях и маршруте своего гостя, ночью вскрыл конверт и, вынув письмо, вложил в конверт чистый лист бумаги. Утром гонец повез в Дарваз чистый лист бумаги, а Абдулгиясхан передал изъятое письмо в Шугнанский волостной исполнительный комитет. Узнав о заговоре, председатель исполкома Хайдаршо Муборакшозода собрал в Хороге народ со всех окрестных кишлаков и публично зачитал письмо. В ходе собрания исполком

принял постановление: «Сегодня Шугнанский исполнительный комитет обсудил дело Азизхана по поводу отказа Азизхана от России и написанием им писем бухарскому эмиру и в Афганистан (Темуршохану. — А. Ш.). От жестокости этих держав все население Шугнана, и мужчины и женщины вышли из терпения, Азизхан хочет из-за своих выгод передать нас опять в руки афганцев и бухарцев. Он написал от имени народа подложные письма, о которых народ не знает. Комитет постановил, чтобы Азизхан из этой области удалился и никогда больше в ней не жил и чтобы его за измену подвергали строгому наказанию. Комитет просит у великого русского государства, чтобы этого человека, как изменника народа, не оставили без наказания» [68, 307]. В результате Азизхана выслали в Сарыкол, откуда он вернулся только через несколько лет...

Итак, в 1918 г. на Памире была установлена Советская власть. Для организации новой жизни и охраны государственных границ была создана и отправлена на Памир Военно-Политическая Тройка в составе представителя ВЧК Т. М. Дьякова, ЦК Туркестана Т. Хусенбаева и ТуркЦИКа Ш. Шотемура. Эти люди вошли в историю как организаторы Советской власти на Памире. Из архивных документов, сохранившихся в областном архиве ГБАО, относящихся к 20-м годам, явствует, что отношение новой власти к исмаилизму в первые годы Советской власти и до 1922 г. было совершенно нормальным. Все репрессивные меры в отношении ишанов и рядовых исмаилитов начались после 1922 г. В первые годы Советская власть, несмотря на то, что коммунистическая партия и ее идеология в корне была враждебна к религии, старалась держаться по отношению к религиозным деятелям и их мюридам весьма корректно.

Русские власти Памира предприняли решительные шаги для облегчения жизни местного населения. В 1895–1897 гг. была построена дорога Ош-Хорог, в 1909 г. открыты первая русско-туземная школа в Хороге и амбулатория для местных больных. Советская власть также придавала первостепенное значение именно этим трем вопросам, ибо от их решения зависела жизнь каждого человека на Памире. В своем докладе на Президиуме ТуркЦИКа

в октябре 1922 г. Ш. Шотемур настоятельно требовал открытия новых школ на Памире [97, 184]. Но для открытия новых школ, содержания учителей, строительства зданий, приобретения учебников и прочих школьных принадлежностей у новой власти не было средств. Поэтому все расходы на эти нужды взяли на себя начальник Хорогского отряда и его офицеры. Ими была восстановлена первая и единственная школа на Памире, где обучались 50 человек со всех районов области. В постановлении Военно-Политической Тройки, принятом по этому поводу, говорилось: «Ввиду отсутствия у Военно-Политической Тройки средств на довольствие учеников, первое время пользоваться в этом отношении средствами отряда, одновременно заключив условие с Саид Муниром о предоставлении средств на довольствие учеников от Ага-Хана» [59, 83].

Данное постановление было отправлено в Ташкент для утверждения ТуркЦИКа, что и последовало 15 декабря 1922 г. Оно было утверждено подписью заместителя председателя ТуркЦИКа С. Ходжаева. В нем, в частности, говорилось: «Для установления прочной связи в школьном деле между Военно-Политической Тройкой, с одной стороны, и Представителем исмаилитской религии — с другой, одинаково стремящимися к полному искоренению безграмотности и невежества среди населения Западного Памира — таджиков-исмаилитов — обе стороны заключают между собой нижеследующее условие сроком на 10 лет, входящее в силу по утверждению его в г. Ташкенте» [59, 201]. Условия этого уникального договора заключались в следующем: Чрезвычайная Военно-Политическая Тройка на Памире обязуется снабдить всех учеников одеждой, помещением и топливом; все учебники, за исключением религиозных, предоставляет для школ Военно-Политическая Тройка, причем по желанию представителей религии в школах некоторые из учебников на языке фарси могут быть взяты по его указанию, но при условии их пригодности к новому методу преподавания; учебные принадлежности, как-то: бумага, карандаши, мел и т. д. предоставляются школе за счет Военно-Политической Тройки; представитель религии со своей стороны обязуется предоставить

для обучающихся питание по прилагаемой норме; он же обязуется содержать за свой счет преподавателя религии; он же обязуется совершенно не вмешиваться в обучение учеников преподавателями, назначаемыми Военно-Политической Тройкой; никакое политическое влияние на учеников со стороны представителей религии не допускается; завхоз в школах назначается из местного населения по обоюдному соглашению представителя религии и Военно-Политической Тройки и содержится за счет представителя религии; отчеты об израсходовании средств, полученных от представителя религии, представляются ему завхозом [60, 21]. Документ подписан председателем Чрезвычайной Военно-Политической Тройки на Памире Шириншо Шотемуром и уполномоченным религии Саид Муниром 22 октября 1922 г. в Хороге.

Саид Мунир был родом из Шугнана, в юности он уехал в Бомбей и поступил на службу во Двор Имама Султан Мухаммадшаха. В течение трех лет Саид Мунир занимал ответственную должность в финансовом Отделе Двора Имама. Летом 1922 г. он вместе с известным миссионером Сабзали прибыл на Памир для осуществления религиозной реформы с целью привести в соответствие низаритский толк исмаилизма с памирской школой исмаилизма — насирия. Наряду с выполнением этой задачи Саид Мунир намеревался открыть религиозные школы, в связи с чем имел ряд встреч с представителями официальной власти, в первую очередь с представителем волисполкома Ш. Шотемуром. Ш. Шотемур хорошо разбирался во всех тонкостях религиозных вопросов и с большим уважением относился к религии своих отцов. Саид Мунир предложил ему помощь в обучении школьников и содержании школ с условием, что там наряду со светскими знаниями дети получают и религиозное воспитание, будут введены религиозные дисциплины. Шотемур охотно согласился с таким условием, и Саид Мунир, выполняя волю Имама Султан Мухаммадшаха об открытии религиозных школ, подписал с местным правительством договор о сотрудничестве.

Согласно этому документу, пиры должны были вносить определенную сумму денег из общего закята для поддержания школ. Этот важный шаг сделал ишанов в глазах новой власти весьма уважаемыми людьми. Поэтому революционное правительство, проводившее в те годы наряду с другими мероприятиями и земельную реформу, пошло навстречу ишанам и оставило все земли, находящиеся в собственности пиров, неприкосновенными. Это вытекает из протокола заседания Шугнанского исполкома от 15 октября 1922 г., где, в частности, говорилось: «Земли ишанов считать неприкосновенными и не отбирать, но между их братьями и заинтересованными их родственниками земля делится» [58, 89]. Это мероприятие в определенной степени вселило в ишанов уверенность в спокойной жизни, и они добровольно предложили свои услуги в деле ликвидации неграмотности и открытии новых школ во всех крупных населенных пунктах. Позже при их непосредственной помощи был налажен процесс учебы в новых школах, где учителями работали также и муллы.

В претворении в жизнь решения данного документа особая заслуга принадлежит первому учителю из числа местного населения Охону Саид Шофутуру. Кроме обучения детей в школе он также работал надписанием истории родного края — («Таърихи Бадахшан»), которая была выпущена при содействии ученика Шофутура — академика Б. И. Искандарова — в Москве в 1982 г. Шофутур тоже происходил из духовенства. Но, несмотря на это, стал в последствии «первым красным учителем» в ГБАО. Таким образом, исмаилитское духовенство было привлечено Советской властью к осуществлению самого благородного намерения — ликвидации неграмотности населения — и играло в этом большую роль.

Активную помощь и поддержку Советской власти в претворении в жизнь этих начинаний оказывал пир Саид Юсуфалишо. Такая позиция ишана не понравилась его давнему сопернику — Темуршохану. Он всячески старался убрать со своего пути Саида Юсуфалишо, чтобы осуществить свою давнюю мечту о присоединении Западного Памира к Афганистану. Это не удалось ему осу-

шествить в 1883—1885 гг. из-за стойкости позиции отца Саида Юсуфалишо — пира Саид Фаррухшо, а последний поплатился жизнью за свое несогласие. Именно под его руководством афганцы первый раз были выдворены из Шугнана в 1883 г., но позже Темуршохан вызвал его к себе в гости в Ханабад и там отравил⁵⁹. Теперь же на его пути встал сын Саида Фаррухшо — Саид Юсуфалишо. И после всего этого Темуршохан прибыл к шугнанскому ишану сватать его дочь для своего сына. Об этом говорится в докладной записке Чрезвычайной Военно-Политической Тройки в президиум ТуркЦИКа, озаглавленной: «Попытка Афганистана поднять восстание в Шугнани». «В начале июня 1922 г. в Шугнан приехал ишан Катаганский Темуршохан под предлогом сватовства дочери ишана Поршиневского Саида Юсуфалишо (этот слух распространен среди жителей)*. На самом же деле он был прислан афганской властью к ишанам Шугнана (Саид Юсуфалишо, Саид Махмудшах, Саид Мурсал) с тем, чтобы они со своими муридами вырезали русские посты и присоединились к Афганистану» [58, 109].

Темуршохан хотел использовать Саида Юсуфалишо в своих политических целях, как до этого он поступил с его отцом в 1883 г. И тогда и теперь исполнителем воли афганского эмира был Темуршохан, выдававший себя за сейида и пира хазарейских исмаилитов Афганистана, не имевший на то фирмана Имама Султана Мухаммадшаха. Прибыв на советскую территорию, он говорил ишанам, что «русских здесь совсем мало, мусульмане везде их убивают и гонят, остались только вы с ними в дружбе» [58, 109]. Призывая пиров к восстанию, он подарил каждому из них по лошади и уехал. После этого пиры «съехались посоветоваться между собой и дали ему ответ, что, если в начале сентября отряду не приедет смена, они исполнят желание Афганских властей».

Однако сам Саид Юсуфалишо на допросе у Т. М. Дьякова 27 июля 1922 г. говорил о целях приезда Темуршохана следующее: «Однажды ездил на афганскую сторону Пянджа Сокибек (слуга

* Это был не слух, на самом деле ишан отдал свою дочь Насрингуль за сына Темуршохана.

Саид Юсуфалишо. — А. Ш.), который сообщил ему, что, по словам жителя кишлака Башор Афрешима, Шукулло бек (зять Темуршохана. — А. Ш.) нарочно ведет дело к тому, чтобы русские убили ишана Поршиневского, за что Темуршохана будет благодарить сипахсалар (имеется в виду Надирхан — военный министр Афганистана. — А. Ш.)» [83, 178].

Из этой истории следует, что речь идет не о заговоре ишанов, а, наоборот, о заговоре против ишанов, подготовленном афганским правительством, исполнителем которого был Темуршохан. Несмотря на необоснованность обвинений против ишанов о причастности их к «заговору против советской власти», 16 июля 1922 г. органами НКВД был арестован пир Саид Юсуфалишо, а на следующий день — Саид Махмудшо и Саид Мурсал с сыном. Ибо как будто «чекистским органам стало известно, что Фаррухшоев (Саид Юсуфалишо) получил из-за границы документы, подтверждающие обещания вооруженной помощи со стороны реакционных кругов (Афганистана)» [14, 41]. Этого было достаточно, чтобы обвинить его в предательстве родины и связях с зарубежными контрреволюционными силами. На основании этого уполномоченный Особым отделом Туркфронта Дьяков 15 июля 1922 г. принял решение об аресте Фаррухшоева и некоторых других исмаилитских ишанов (Саид Мурсала и Саид Махмудшо. — А. Ш.), стоящих во главе заговора [14, 42]. На следующий день, 16 июля, ишан Саид Юсуфалишо был арестован, и в его доме был произведен обыск. Обнаружили одну винтовку и несколько патронов. Через день, 17 июля, был арестован Саид Мурсал со своим сыном Мирзо Ашрафом, а 18 июля — последний ишан Саид Махмудшах. Так было сфабриковано «дело о заговоре ишанов».

Военно-Политическая Тройка вынесла «виновным» суровый приговор: «Ишанов Саид Юсуфалишо, Саид Фаррухшоева, Саида Махмудшо Мизробшоева, Саида Мурсаля Саид Ашрафова, а также халифа Исмаила Неккадамова и Саид Асада сына Саид Мурсала, как виновных в активном участии в заговоре, организованном с целью уничтожения Советской власти на Памире афган-

властями через ишана Каттаганского Тимурша-хана РАССТРЕ-
ЛЯТЬ» [83, 186].

Но, боясь взрыва народного возмущения и возмездия, Тройка не осмелилась привести в исполнение свой приговор. Она, по своему считаясь со сложностью ситуации, решила пойти на хитрость, заменив расстрел «условным расстрелом». Это было выражено так: «Принимая во внимание нежелательность применения на Западном Памире вообще в отношении служителей религиозного культа, в особенности, заменить для ишанов — Саид Юсуфалишо Саид Фаррухшоева, Саид Мурсаля Саид Ашрафова и Саид Махмудшо Саид Мизробшоева, а также для Саид Асада Мурсалиева (сына Саид Мурсаля. — А. Ш.) (для последнего принимая во внимание его болезненное состояние) — РАССТРЕЛ — УСЛОВНЫМ РАССТРЕЛОМ. Исмаила же Неккадамова к пятилетнему заключению в концентрационном лагере» [83, 187]. Под документом подпись Т. М. Дьякова.

Это чудовищное решение в наше время было преподнесено А. Гаврилюком и В. Ярошенко как помилование. Они пишут: «Такое неординарное постановление Тройки показывает, что революция могла не только карать, но и помиловать» [18, 142]. На этот раз зловещий приговор не был приведен в исполнение, ибо один из членом Тройки, Ш. Шотемур, ставший в октябре 1922 г. председателем военисполкома⁶⁰ Памирского района, был категорически против. Когда 16 июля Саид Юсуфалишо был арестован, а вслед за ним 17 июля Саид Мурсал и 18 числа того же месяца Саид Махмудшо, то вечером 18 июля член Военно-Политической Тройки Ш. Шотемур своим отношением сообщил Т. М. Дьякову, что в Поршневе население волнуется из-за ареста Юсуфалишо и с ним из Поршнева прибыли делегаты для выяснения положения ишана. Дьяков побоялся непредсказуемого исхода народного возмущения и был вынужден выслушать жителей и удовлетворить их требования. Было заключено соглашение со следующими условиями: служащие ишана должны быть уволены и после увольнения никакой связи с ишаном не иметь; ишан не имеет права принимать с афганского Шугнана ни-

кого, кроме своих халифа; свидания ишана с лицами, указанными особпунктом, могут происходить лишь в присутствии председателя и секретаря совета кишлака Поршнева; ишан обязан выдать особпункту всех известных ему афганских разведчиков; ишан обязан в течение последнего года сознаться во всех своих проступках против Советской власти и выдать всех союзников.

С такими условиями пира Саида Юсуфалишо освободили, но потом ещё восемь раз вызывали на допрос в Особый отдел к Дьякову. Также, благодаря настойчивости Ш. Шотемура, были отпущены и другие ишаны. В октябре 1922 г. Шириншо Шотемур стал председателем ревкома на Памире и в течение года работал на этой должности. Ему удалось сделать очень многое для того, чтобы вернуть утраченное доверие народа к Советской власти, потерянное в результате перегибов и жестокостей, незаслуженно и предвзято допущенным в отношении служителей культа и религиозных деятелей Т. М. Дьяковым. Но спустя 10 лет, в 1932 г., жестокий приговор в отношении пиров был приведен в исполнение начальником КГБ Морозовым.

Поскольку главным лицом в этом деле был Т. М. Дьяков, следует коротко охарактеризовать и его, ибо во всех учебниках по истории и в научных трудах этот человек описывается как главный деятель создания органов Советской власти на Памире и один из «пламенных революционеров». Однако характеристика, которую дал ему Ш. Шотемур в 1922 г., нигде не упоминается до сих пор. Хотя во всех советских исследованиях в адрес Т. М. Дьякова не было каких-либо отрицательных отзывов, тем не менее его лучше всех знал Ш. Шотемур, который с ним приехал на Памир летом 1922 г. в качестве члена Военно-Политической Тройки. В своем докладе в Президиум ТуркЦИКа от 21 октября 1922 г. Шотемур писал: «Дьякова мы боимся все, потому, что он очень скандальный (человек) и в минуты гнева он ни с чем не считается и вообще он “хороший диктатор”» [59, 98].

А в другом случае он писал: «Надо дать справедливость — мой коллега Дьяков умный, горячий диктатор — дипломат и чест-

ный коммунист, но его коммунистическому воззрению мне приходится удивляться в том, что часто таджик-красноармеец, находясь на службе 7–8 месяцев и если провинившись в чем-нибудь, то он у него отбирает обмундирование и выгоняет его, не говоря уже о жаловании. Я, может быть, и ошибаюсь, оно так может быть и должно быть в войсковых частях, но в Программе Коммунистов так сказано, что если кто-нибудь увольняется, то выдается ему месячное жалование вперед, а не то, что бы через 8–10 месяцев его выгонять, а жалования совершенно не давать за эти месяцы, одним словом эта ерунда. Вообще тов. Дьяков на деньги очень скуп; он любит, когда работают у него, но чтобы как можно меньше платить, т. е. занимается вымогательством». [59, 102]. Такого рода жалобы на него поступали постоянно. Дьяков⁶¹ использовал посылаемых за границу агентов в своих интересах, не выплачивая им заработанные деньги [59, 103].

Ш. Шотемуру на этот раз удалось спасти исмаилитских лидеров, но так называемое «Дело ишанов» осталось в сейфе НКВД и было поднято вновь в 1932 г., когда другой чекист Морозов стал начальником КГБ области. Десятилетний период (с 1922 г. по 1932 г.) был лишь затишьем перед бурей. За эти 10 лет для народа было сделано очень многое, но с приходом к власти второго поколения революционеров, начиная с 1932 г. по 1937 г., практически свелось на нет все, что было сделано первым поколением — соратниками Ленина. Хотя пиры и ишаны уже полностью восприняли идеи революции и стали всячески помогать ей, но на этот раз они попали в разряд «кулаков и религиозных смутьянов» и были вновь привлечены к ответственности за надуманные обвинения в причастности к иностранному шпионажу и связях с Ага-Ханом. Вспомнили, что 10 лет назад ишан Саид Юсуфалишо якобы получил из-за границы документ, обещающий вооруженную помощь в случае поднятия народа на свержение Советской власти. В результате ишан Саид Юсуфалишо был арестован и на следующий же день посажен на черного осла спиной вперед и увезен в Дарморакт. По дороге его отравили ядом сотрудники КГБ, а народу объявили,

что он отравился сам, используя опиум: мол, он предпочел умереть на родине, а не в Ташкенте, куда будто бы собрались увезти его. Но дорога на Дарморакт, в сторону Ишкашима, никак не ведет в Ташкент, куда ездили и ездят по Гунтской дороге! На что придумали ответ, что если бы его везли по Гунту, то там ишана не пропустили бы мюриды, поэтому выбрали другой маршрут, через Ишкашим. Надо сказать, что многие в народе поверили чекистам, будто ишан отравился сам, его тело привезли и похоронили в кишлаке Поршнев.

У него было 3 сына и 4 дочери. Старший сын Султаншах занимался крестьянским трудом, поэтому его нельзя было обвинять в чем-либо. А два младших — Мухаммадалишо и Икболалишо после казни отца эмигрировали в Афганистан. Один поселился в Зебаке у своего тестя Шо Абдулмаони, а второй поселился в афганском Шугнана, в к. Вияр, недалеко от советской границы. Он был кандидатом на должность пира вместо отца, и поэтому его дядя Шохзода Мухаммад написал прошение от имени народа имаму Султан Мухаммадшаху в месяце мухаррам 1355 г. (ноябре 1936 г.), чтобы Мухаммадалишо был назначен новым пиром Шугнана. Но так как он был совсем молод, Шохзода Мухаммад взял над ним опеку и обязался исполнять должность пира до достижения им совершеннолетия. Но из Двора Имама последовал отказ на его прошение потому, что брат Темуршохана — Надиршахан выдвинул вместо казненного пира его другого сына — Икболалишо, отправив в Бомбей от его имени закят в 2 тысячи рупий, и он был назначен новым пиром. Мухаммадалишо же был заманен органами НКВД на советский берег, арестован и увезен в Ташкент, где убит в тюрьме в 1940 году. В Хорогской тюрьме были убиты сыновья Саид Мурсала и Саид Махмудшо, а также несколько халифа и мулл. Таким образом, было покончено с религиозными деятелями, начиная от пиров и кончая простыми верующими. Большое количество таких людей было выслано в Ош, Ташкент, Сибирь и другие районы, где большинство из них были уничтожены. Только нескольким удалось вернуться на родину после 1940 г.

Чтобы не дать ишанам оправдаться даже после учиненной над ними расправы, чекисты заказали документально-художественный фильм о Саид Юсуфалишо, который был снят в 1934 г. на студии «Таджикфильм». Фильм назывался «Живой бог»⁶², был создан по сценарию С. Ермолинского режиссером С. Прошиным и посвящался «разоблачению буржуазно-религиозной пропаганды» [64, 18] в 30-х годах. По словам Прошина, «в то время на Памире насчитывалось немало поклонников “живого бога” — Ага-Хана, которому ежегодно со всех концов края верующие направляли налог в виде денег и других драгоценностей. Разоблачению Ага-Хана и его приспешников, борьбе за новый быт посвящен этот фильм, с успехом прошедший по экранам Союза» [64, 18]. Создатели фильма хотели одним выстрелом убить двух зайцев: обличить исмаилитских ишанов в глазах народа как аморальных и безжалостных злодеев и обвинить Ага-Хана в сколачивании заговора против Советской власти [64, 19]. Такие выдумки и необоснованные обвинения в адрес пиров и Ага-Хана стали лейтмотивом всей атеистической пропаганды, проводимой деятелями ЦК Компартии Таджикистана.

После физического уничтожения пиров и халифа, Отдел пропаганды и агитации ЦК КП Таджикистана приступил ко второму этапу борьбы с исмаилизмом: теперь всячески старались очернить исмаилизм в глазах других народов, используя для этого материалы и доносы разведчиков и агентов КГБ. Так возникло «дело о враге народа» Ш. Шотемуре⁶³ и его соратниках. В ходе этих кровавых преступлений были истреблены лучшие представители молодой таджикской интеллигенции.

Под предлогом борьбы с религиозным фанатизмом, в антисоветской пропаганде и подрывной деятельности обвинялись не только халифы и муллы, но и простые дехкане, даже женщины. Этому способствовал и тот факт, что имам Султан Мухаммадшах имел встречу с Гитлером⁶⁴. Это было использовано также в обвинении памирских исмаилитов в «причастности к поборникам фашизма». По иронии судьбы, на шерстяных носках и рукавицах, вязанных на Памире, были узоры со свастикой, это было еще одним «неопр-

вержимым доказательством» связи сторонников Ага-Хана и Гитлера!⁶⁵ Когда история используется для достижения политических целей, она превращается в зловещее оружие. Исламитская религия стала таковым в руках ряда недалёковидных политиков и ученых Советского Союза. Это принесло много гонений и страданий народу Памира, и, по словам А. Серебренникова, «приходится только удивляться, каким образом, несмотря на все это, он не только не исчез с лица земли, но даже сохранил свои племенные особенности образа жизни, нравов, обычаев и религии» [104, 231].

Историей исмаилизма особо интересовались три сотрудника органов госбезопасности — А. Станишевский (Азиз Ниалло), А. Блохин и Л. Н. Харюков. Последний долгие годы работал в органах КГБ Таджикистана и собрал материал для своей диссертации, которую выпустил в виде монографии под названием «Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм». В личной беседе с автором 4 апреля 1998 г. в Москве он признался, что большинство использованных в книге архивных материалов были в свое время составлены на покаяниях так называемых «врагов народа», были вырваны у них в ходе бесчеловечных пыток в застенках КГБ. И когда я спросил: «Зная это, почему же вы, используя их как научный источник, ни разу не упомянули об этом в книге?», он ответил, что, когда несколько лет тому назад работа была написана и сдана в издательство, время было другое...

Однако все исследователи истории исмаилизма, включая и Л. Н. Харюкова, правы, когда пишут, что «несмотря на трагизм положения бадахшанских исмаилитов, связанный с массовыми репрессиями, и крайнее ужесточение пограничного режима, они не прерывали связей со своими духовными наставниками, находящимися за кордоном, продолжая заниматься сбором и отправкой закята нелегальными путями» [83, 149]. Если быть точным, то отправки закята прекратилась с момента окончательного закрытия границы в 1937 г. Но сбор его продолжался вплоть до 60-х годов, когда были живы халифа, назначенные ещё Шотемуром в 1922 г. Из их числа были в Поршневе — халифа Алимададшо ибн Хидоят-

шо, который являлся халифой до своей кончины в 1956 г., халифа Шонизор в Гунтской долине. Эти два человека сделали все для сохранения традиции своих отцов и дедов и не свернули с пути веры в Имама Времени ни под какими угрозами со стороны властей. Закят, собранный халифом Алимададом, летом 1998 г. был вручен представителю имамата в Хороге господину Гулхасану сыном халифа Алимадада — Муборакшо. Он состоял из более 120 монет разного достоинства России, Афганистана, Ирана и более 60 метров материи.

Пожалуй, одной из главных причин трагедии памирских исмаилитов с 1922 по 1956 гг., стал вывоз закята в Индию, который с каждым годом все возрастал. Почти все документы и донесения работников Особого отдела, КГБ, ЦК и других учреждений подтверждают именно этот факт. Но в то же время пиры и ишаны, собиравшие закят и отправлявшие его аккуратно в Бомбей, сделали много полезного и для Советской власти, в том числе и в денежном отношении. Говоря о том, что брат Саида Юсуфалишо Саид Казем как «ярый фанатик-исмаилит аж в 1940 году занимался сбором закята через уполномоченных на то лиц (вакилей) и переправил его на афганский берег», Л. Н. Харюков ни слова не говорит о том, что этот «ярый фанатик» собрал 31 тысячу 134 рубля для фронта и отправил их в Москву на имя И. В. Сталина. Саид Казем в своей телеграмме Сталину от имени всех верующих исмаилитов Памира сообщал, что «с целью быстрейшего разгрома ненавистных и кровожадных фашистов верующие таджики Памира собрали и сдали в банк 31134 рубля в фонд обороны родины. Сбор средств продолжается». Телеграмма была напечатана в газете «Бадахшони сурх» («Красный Бадахшан») за № 75 от 30 ноября 1944 г. Там же и опубликована ответная телеграмма Сталина на имя Саид Казема Саидфаррухшоева, где тот благодарит верующих Памира за собранные средства от своего имени и от Красной Армии. Другой ишан — младший сын расстрелянного пира Саид Мурсаля ишан Шохном — собрал и отправил на имя Сталина 75 тыс. 350 руб. и также получил ответную телеграмму от Сталина с благодарностью. Эти два ишана, несмотря

на то, что Советской властью были казнены их отцы и братья, считали своим долгом помочь народу и своей стране в самое трудное для них время — в Великой Отечественной войне. Они сочинили «Воззвание ко всем исмаилитам и мусульманам мира» и отправили в Ташкент с просьбой, чтобы его напечатали в типографии и выслали им на Памир. Как явствует из сохранившихся документов, эта просьба была выполнена, и в Ташкентской типографии были напечатаны 1980 экземпляров «Воззваний» и вместе с сопроводительным письмом* муфтия мусульман Средней Азии и Казахстана ишана Бабахана ибн Абдулмаджидхана от 22 июня 1944 года были отправлены на Памир на имя ишанов Саид Казем Саидфаррухшоода и Шохном Саид Мурсалзаде. В нем, в частности, муфтий сообщает, что выполнил их просьбу и, напечатав Воззвание, отправляет им по адресу. Свое письмо он заканчивает бейтом:

Следом своим можно превратить в этом мире

Свою короткую жизнь в непреодолимую вечность!

Действительно, эти люди своей стойкостью и прямою в земной жизни, воспитанные в них исмаилизмом, обрели вечную память благодарных потомков. Написанное ими «Воззвание» сохранилось и до сих пор. Оно начинается так: «Ё Мавлана, Ё хазрат-и Султан Мухаммадшах!.. Бисмиллах-ир-рахмани-ир-рахим. Ко всем улемам, халифа, ко всем мусульманам Горного Бадахшана, Туркестана, Бухары, Афганистана, Ирана, Китая, Сирии, Ирака и других государств. Ко всем единоверцам, произносящим “ла илаха ал-иллаху Мухаммаад расуллах” и поступающих согласно священной книге Пира Шах Насира Хусрава “Ваджхи дин”, и читающим молитву “Пири Шах”, то есть ко всем исмаилитам во всем мире» [67, 1]. Далее в нем говорится: «Мы, исмаилиты, чувствуя себя под защитой Единого Бога и считая его почитание нужным делом, с помощью Мавляна стали полноправными гражданами и живем в Горном Бадахшане» [67, 2]. А затем идет обращение ко всем исмаилитам и мусульманам мира с призывом помочь Красной

* Копия письма находится у нас.

Армии и Советскому государству в деле скорейшего истребления фашизма и освобождения всех народов от гитлеровского порабощения...

Со своим «Воззванием» ишаны ходили по всем кишлакам Памира, читали его перед народом и собирали деньги для фронта и победы над фашистской Германией. Это было великое дело, которое они добровольно взяли на себя.

5. Исмаилизм в современной истории ГБАО

Сравнительно короткий период истории исмаилитского общества ГБАО, начиная со времен «хрущевской оттепели» и до начала XXI в., характеризуется тем, что были прекращены всякие гонения на исмаилитов, религия получила официальный статус, и общины верующих могли свободно действовать в рамках, определенных им Конституцией СССР.

В 1960-е годы был создан Совет по делам религий при Совете Министров СССР, во всех республиках и областных исполкомах были назначены его уполномоченные представители, в том числе и при облисполкоме ГБАО. Первым уполномоченным по делам религии при облисполкоме ГБАО стал Бодуров Мирзобек. При нем была произведена своеобразная реформа в назначении халифа. До этого (после того, как все пиры были репрессированы) халифа выбирались самими жителями на свободных выборных основах. Государство не вмешивалось в их дела. С 1960-х годов халифа начали назначать уполномоченные по делам религии по одному человеку в каждом сельском совете. Государство контролировало их деятельность, власть могла избирать, назначать и освобождать халифа. Тем самым они стали своеобразными чиновниками в иерархии государственного аппарата на Памире.

В конце 50 — начале 60-х годов в ходе широкой кампании «атеистического воспитания населения» был принят новый отчаянный шаг по отмене главного религиозного обряда памирских исмаилитов — «Чарографшанкуни» («Зажигание лампы»). Вместо него предлагалось чтение коллективного намаза. Вновь назначенные государственные халифа были обязаны партией и правительством внедрить в жизнь данное решение партийных чиновников

обкома КП Таджикистана и облисполкома ГБАО. Эта неудачная реформа была своего рода попыткой внедрения в жизнь идей Сабзали и Саидмунира. Но, забегаая вперед, отметим, что и на этот раз реформа в религии не прошла, народ не поддержал идею отказа от основного религиозного обряда памирских исмаилитов — «Чарогравшанкуни». Каких-либо других серьезных изменений за эти годы в религиозной жизни памирцев не произошло.

70-е годы были самыми лучшими во всех отношениях для всех народов Советского Союза, в том числе и для памирских таджиков. За эти десятилетия они достигли огромного успеха в образовании, медицине, сельском хозяйстве, промышленности, науке и культуре. Религия оттеснилась на задний план. Ею мало кто интересовался, молодежь стала относиться к ней с легкостью, не желая знать суть связанных с нею традиций. Об Имаме Времени заговорили лишь в связи со смертью Имама Султана Махаммадшаха и воцарением Его Высочества Имама Времени Шах Карима ал-хусайни в 1957 г. Тогда в газете «Правда» (орган ЦК КПСС) была напечатана информация о новом Имаме исмаилитов, но местная пресса промолчала об этом⁶⁶. И лишь в 1965 г. в газете «Бадахшони Совети» была перепечатана статья об Имаме Времени Ага-Хане IV из журнала «Азия и Африка сегодня». Это был смелый шаг тогдашнего первого секретаря обкома КП Горно-Бадахшанской АО М. Назаршоева. Он был человеком, сведущим в вопросах религии, занимался изучением истории Памира в послереволюционный период. Позже он стал профессором истории и занимал ответственные научные посты. В 1993 г., в ходе гражданской войны в Таджикистане, М. Назаршоев был расстрелян во дворе собственного дома из автомата... Заслуга М. Назаршоева в появлении материала об Имаме в газете «Советский Бадахшан» заключалась в том, что он не стал запрещать публикацию. Тогдашний редактор газеты А. Акназаров спустя 7 лет после того, как М. Назаршоев был снят с должности секретаря обкома, был строго наказан за эту публикацию на страницах партийной газеты. Он был исключен из партии вместе с несколькими сотрудниками газеты.

Материал под названием «Финансовая империя Ага-Хана IV» с фотографией Имама Времени в ходе его беседы с американским президентом воодушевил народ Памира, многие сохранили эту газету⁶⁷. С этого времени исследователи стали меньше уделять внимание религиозным аспектам исмаилизма, акцентируя его на вопросах финансово-экономической деятельности Имама Времени.

6. Тысячелетнее ожидание

Новейшая страница истории исмаилитов Памира начинается с 1990-х годов, когда по поручению Имама Времени сотрудники Института Азии и Африки при Лондонском университете — доктор Бишоп и доктор Акинер — летом 1990 г. приехали в Таджикистан для ознакомления с ситуацией в республике и получения полной информации о жизни и быте, проблемах и планах дальнейшего развития исмаилитской общины Бадахшана. Они были приняты заместителем председателя Совета Министров Таджикистана О. Латифи и директором Института востоковедения АН Таджикистана академиком А. Турсуновым, имели длительную беседу с профессором Х. Додихудоевым. Он, как главный специалист по исмаилизму в Таджикистане, подробно информировал гостей о жизни и проблемах, стоящих перед исмаилитами Таджикистана.

Автор этих строк, тогда работавший доцентом кафедры философии при Президиуме АН РТ (которой заведовал профессор Х. Додихудоев), сообщил об их беседе корреспонденту газеты «Бадахшони Совети» К. Аламшоеву, и тот опубликовал интервью профессора Х. Додихудоева 20 сентября 1990 г. Интервью вызвало неоднозначную реакцию: народ воспринял это известие как добрую весть об Имаме Времени. Представители власти же, наоборот, через день после выхода в свет номера газеты созвали большое совещание работников аппарата обкома партии и облисполкома ГБАО, на котором обсудили вопрос о «противозаконности» публикации материала религиозного характера на страницах партийной газеты.

Редактор газеты М. Мамадризов в это время находился в отпуске, и номер подписал его заместитель Ш. Шохуморов, который был вызван на заседание для объяснения данного факта. Выясни-

лось, что вопрос согласовывался с заведующим Отделом пропаганды обкома партии Б. Алибахшевым, который разрешил печатать интервью. Организаторы заседания поручили редактору газеты М. Мамадризову разобраться с заместителем редактора Ш. Шохуморовым и корреспондентом К. Аламшоевым. К счастью, работники редакции оказались на высоте и не допустили наказания своих товарищей. Работнику КГБ, курирующему АН Таджикистана, было поручено взять письменное объяснение у профессора Х. Додихудоева, почему он «рекламирует Ага-Хана на страницах партийной печати». Когда Х. Додихудоев отказался дать письменное объяснение, он был вызван на прием к первому секретарю ЦК КП РТ Ш. Шабдолову, который упрекнул его: «Вы профессор, и я не думал, что Вы, человек, лучше всех знающий исмаилизм, станете рекламировать Ага-Хана!» «Услышав это от него, — говорит Х. Додихудоев, — я сказал: “Я тоже не думал, что такое услышу от Вас!” — и ушел. Он хотел остановить и вернуть меня обратно, но я не стал слушать и ушел».

Потом он еще несколько раз поручал сотрудникам КГБ «разобраться с Х. Додихудоевым». После нескольких бесед работники КГБ сделали вывод, что профессор ни в чем не виноват, а, наоборот, старается помочь своему народу узнать об Имаме, который может оказать всестороннюю помощь Таджикистану в тяжелый для него период. После этого Х. Додихудоева прекратили допрашивать, сказав ему на прощание, что «на это нас вынудили Ваши же земляки». Таким образом, интервью Х. Додихудоева стало первой публикацией в газете об Имаме*.

*Следует отметить некоторые неточности в передаче автором содержания событий 1990 года. В целом автор правдиво рассказывает об отношении Ш.Д. Шабдолова и М.Н. Назаршоева к публикации интервью проф. Х. Додихудоева в областной газете, но неточно называет должность Шабдолова, занимавшего тогда должность секретаря ЦК Компартии Таджикистана по идеологии. Беседа с профессором занимала более трех часов и кончилась без определенного результата. От проф. Х. Додихудоева требовали только одного: отказаться от своих слов и в той же газете вместе с поэтом С. Халимшоевым (последний к этому делу отношение не имел, но он был членом ЦК) напе-

17 марта 1991 г. в Душанбе приехал личный представитель Имама профессор А. Раджпут⁶⁸. Во второй раз он приехал вместе с Рафиком Кашевджи и Саиджалалом Бадахшани. Это были первые контакты представителей Имама Времени с таджикскими исмаилитами⁶⁹. В ходе этих встреч были заложены эффективные двусторонние контакты, которые стали преддверием к величайшему событию в истории памирских исмаилитов — Дидару Имама Времени, которого они ждали в течение одной тысячи лет!

В результате таких контактов в середине 1992 г. в Хороге был основан Фонд Ага-Хана, который внес огромный вклад в спасение народа Бадахшана от неминуемой голодной смерти в результате гражданской войны в Таджикистане. В октябре 1993 г. состоялась первая встреча официального представителя правительства Таджикистана заместителя председателя Маджлиси Оли К. Коимдодова с Его Высочеством Шах Каримом ал-хусайни, который передал Имаму Времени послание президента Таджикистана Эмомали Рахмонова. Эта встреча заложила основу двухсторонних контактов между Имамом Времени и правительством Таджикистана.

К. Коимдодов от имени руководства республики официально пригласил Имама Времени посетить Таджикистан⁷⁰ с официальным визитом в удобное для него время. 24 мая 1995 г. исмаилиты Бадахшана, так долго ждавшие своего Имама, наконец-то увидели Его Высочество Шах Карима ал-хусайни — Ага-Хана IV. Второй Дидар Имама Времени, состоявшийся в сентябре 1998 г., еще больше сплотил и воодушевил исмаилитов Бадахшана и придал им уверенность в том, что такие встречи отныне будут проходить постоянно и больше никогда не прервутся ни под каким предлогом. Исмаилиты Бадахшана говорят: «Пусть будет так, пусть эта неразрывная связь джамаата с Имамом будет вечной!».

чатать опровержение интервью. После этого к делу подключили полковника КГБ, который оказался очень порядочным человеком. После развала КПСС Ш.Д. Шабдолов возглавил компартию суверенного Таджикистана. — *Прим. Х.Д. Додихудоева.*

КОММЕНТАРИИ

1. Амударья — название реки Пяндж после впадения в нее реки Вахш. Река Пяндж («Пять») образовывается на Памире от слияния рек Памир, Вахан, Гунт, Шохдара и Бартанг.
2. Николай Федорович Федоров (1829–1903) не был членом военной экспедиции. По некоторым сведениям, он побывал на Памире в 1899 году, но об этой поездке мало что известно.
3. Искандаров Баходур Искандарович (1912–2004) — историк, востоковед, действительный член АН Таджикистана, автор многочисленных монографий по истории Бухарского эмирата и дореволюционного Таджикистана. С 1962 г. по 1988 г. — директор Института истории АН Таджикистана.
4. Вахан, Шугнан, Рушан и Дарваз — районы, расположенные с юга на север по обоим берегам р. Пяндж и ее боковым долинам.
5. Киргизы называют ее Курманджан.
6. Константин Петрович Кауфман (1818–1882, Ташкент) — русский военный деятель, инженер-генерал (1874), первый генерал-губернатор Туркестана.
7. Михаил Дмитриевич Скобелев (1843–1882) — русский военачальник, генерал от инфантерии, участник среднеазиатских завоеваний Российской империи и русско-турецкой войны 1877–1878 годов.
8. Михаил Ефремович Ионов (1846–1923) был офицером у генерала Скобелева и командовал смешанным с киргизами отрядом, который задержал Курманджан. В 1892–1894 гг. отряды под его командованием освободили Памир от афганских войск. В 1899 году генерал М. Е. Ионов — военный губернатор и командующий войсками Семиреченской области.
9. Согласно Б. Л. Тагееву, задержание Курманджан произвел полковник Витгенштейн. «В сопровождении сына своего Канчи-бека и племянника Мирза-Паяса она отправилась без имущества на плохеньких киргизских лошадях к Кизиль-Арту и около местечка Бордаба наткнулась на возвращавшегося князя Витгенштейна, которым и была захвачена и доставлена в отряд». См.: Тагеев Б. Л. Русские над Индией. — Очерки и рассказы из боевой жизни на Памире. СПб., 1900.

10. Вернулись два брата Махмудбек и Хасанбек и оба получили должности волостных управителей, а Абдуллобек умер по дороге в Мекку в начале 1877 года, его останки были перевезены на Алай, преданы земле в Гульче.
11. Николай Алексеевич Северцов (1827—1885), русский зоолог, географ и путешественник. Он написал «Орографический очерк Памирской горной системы». СПб, 1886.
12. Роберт Мориер (Robert Morier).
13. Граф Арчибалд Розебери (Archibald Rosebery — 1847—1928) был министром иностранных дел Великобритании в 1892—1895 гг.
14. Эмир Достмухаммадхан умер в 1863 году. После него правил Шер Али Хан, а северные территории «Чар Вилюят» (Вахан, Шугнан, Рушан и Дарваз) были захвачены афганцами при Абдурахманхане (правил с 1880 г.), сам автор позже пишет об этом.
15. Шер Али Хан — эмир Афганистана. Правил с перерывом с 1863 по 1879 гг.
16. ‘Абд ар-Рахман Хан — эмир Афганистана, правил с 1880 по 1901 гг. До этого в качестве беженца жил в Самарканде 16 лет, с 1865 по 1881 гг.
17. Граф А. А. Бобринский ссылается на афганские источники и пишет о том, что Джохандаршах был убит своими сыновьями. То же самое можно найти в «Истории Бадахшана». Москва, 1997, с. 87.
18. Мирза не мог быть причастным к убийству Джохандаршаха, так как сам был убит в 1873 году во сне в районе Майманы своими проводниками. Вместе с ним был убит и зять Монтгомери. См.: Постников А. В. Схватка на Крыше мира. с. 81.
19. «Безымянный Мирза» к соавтору «Истории Бадахшана» не имеет отношения. Соавтора звали Мирза Фазл Алибек, и его работа над книгой «История Бадахшана» завершилась в 1907 году. См.: Введение к «Истории Бадахшана». М., 1997, с. 16.
20. Та’рих-и Бадахшан — факсимильное издание — подготовлено к печати с А. Н. Болдыревым. ЛГУ, 1959.
21. Ахемениды — династия царей Древней Персии (558—330 до н. э.). Ведёт начало от Ахемена, вождя союза персидских племён.

22. Саманиды были первой местной династией после арабского владычества, правили в IX—X вв. Исмаил (892—907) сверг Саффаридов в Хорасане и Зиядидов в Табаристане, установил свой контроль над Средней Азией и Ираном со столицей в Бухаре.
23. Газневиды — династия правителей в Средней Азии в X—XII вв. Основателем Газневидского государства стал саманидский полководец Али-Тегин, выступивший против Саманидов.
24. Тимуриды — династии потомков Тимура, правившие в Мавераннахре и в Персии в XIV—XV вв.
25. Сефевиды — династия шахов Ирана (1501—1722). Основателем династии был Исмаил I (1501—1524), потомок основателя суфийского ордена Сефевие, родом из Ардебил в Южном Азербайджане.
26. Шейбаниды — правящая династия в Бухарском ханстве в XV в., вытеснили тимуридов из Мавераннахра. Основателем считается Мухаммед Шейбани, хотя многие представители династии восходят к его деду Абулхайру.
27. В Та`рихи Бадахшан сообщается о наличии на территории страны узбеков, большая часть которых принадлежала к племенам каттаган, карлук, бурке-атаят. См.: Введение к «Истории Бадахшана». М., 1997. с. 19.
28. Слабая аргументация для утверждения, что Ша Ванджи был казнен. Трудно также представить, что М. С. Андреев ошибся, а ответственный редактор А. А. Семенов, знаток истории Бадахшана, оставил эту погрешность без внимания.
29. Здесь опечатка, так как Шах Ванджи правил в конце XVIII в. Ниже сам автор пишет об этом.
30. В «Истории Шугнана» об этом сказано: «В Шугнана прочно утвердился Ванджи-хан...[он] изгнал из Шугнана всех, кто не принадлежал к исмаилитскому толку, хотя сам Ванджи-хан не был исмаилитом. Изгнанники-огнепоклонники ушли в Яркенд. Передают, что вступление на престол Шо-Ванджи-хана произошло в 1202 г. хиджры, время правления Шо-Ванджи-хана определяется в двенадцать лет».
31. Английский исследователь Ний Илеяс, побывавший на Памире в 1885 году, пишет, что Шах Ванджи стал основателем работорговли. В 1780-х годах он стал первым миром Шугнана, который продал своих поданных в зарубежные стра-

ны, «и его три прямых потомка показали себя достойными последователями, поддерживая эту практику в течение почти ста лет».

32. Эти книги являются основными источниками по истории Бадахшана и Шугнана. Две последние написаны исаилитами. Версия автора о смене династии не подкреплена вескими доказательствами. Требуется ссылка на источник, если таковой есть, о том, что Шах Ванджи был казнен. Действительно, вначале правители, потомки Ша Хамуша, были исаилитами, а позже стали суннитами. Однако, как и когда это произошло неизвестно, чтобы прояснить это, требуется специальное исследование. Следует уточнить, произошла ли эта «подмена» при Ша Ванджи, до или после него. Предполагаются две версии: 1. Потомки Ша Хамуша в силу неизвестных обстоятельств отказались от исаилизма и стали суннитами. 2. По версии Абусаида Шохомурова, благодаря интригам и переворотам, фактически сменилась династия, хотя формально на родословных документах они значились потомками Шах Хамуша.

33. Джордж Литтелдейл (George Littledale) был на Памире в 1888 году после поездки Регеля. См.: Постников. Там же, с. 207.

34. А. А. Семенов в примечаниях к «Истории Шугнана» пишет, что надворный советник Регель, уездный врач г. Чуста Ферганской области, летом 1882 г. предпринял поездку в Шугнан с научной целью по поручению Географического Общества и Императорского Ботанического сада.

35. По свидетельству Ния Илеяса, этим офицером был Гульзар Хан. См.: Постников. Ук. соч., с. 203. О том же А. А. Семенов пишет в примечаниях к «Истории Шугнана»: «Афганский эмир Абдур-Рахман-хан, узнав о пребывании нашего путешественника в Бар-Пяндже, столице Шугнана, и подозревая переговоры правителя последнего с русским чиновником о признании Шугнаном вассальных прав к России, командировал своего начальника кавалерии Гульзар-хана к Юсуф-Али-хану. На этого посланника была возложена миссия уговорить правителя Шугнана немедленно выпроводить приезжего русского из пределов страны. В Бар-Пяндже у афганца произошла крупная ссора с Регелем, и хотя Юсуф-Али-хан помирил их, но тем не менее Регель вынужден был покинуть Шугнан, а Юсуф-Али-хан вызвал личное к себе неудовольствие Гульзар-хана».

36. Роберт Мориер (Robert Morier (1826–1893), английский дипломат.

37. «Сервер-хан “сартиб” сопровождал Юсуф-Али-хана до Бадахшана с вели-

ким почетом, а из Бадахшана до Кабула его везли уже закованного в цепи. Сам Сервер-хан прибыл в Шугнан и правил им в течение двух лет. После него был правителем афганец Гульзор-хан, а Саид-Шо-хан — “джарнайль” был при нем начальником отряда». См.: История Шугнана.

38. Выше автором сказано, что «после ареста и отправления Юсуфалихана в Кабул Абдулладжан — наместник Бадахшана направил в Шугнан Гульзорхана».

39. Вышеприведенная версия не подкреплена источниками. Непонятно откуда автор получил информацию о лидерах хазарейских исмаилитов, об их роли при захвате Шугнана афганцами. Хазарейцы в Афганистане находились в очень зависимом положении, их до второй половины XX в. не брали даже в армию. Английский исследователь Ний Илеяс во время своей поездки в Шугнан встретился с Гульзар Ханом в Бар Пянджа Кала, который ему рассказал, как он пленил Юсуф Али Хана. Гульзар Хан, по словам исследователя, был родом из Кандагара и в это время правил Шугнаном. См.: Постников. Ук. соч., с. 203.

40. Из Вахана предки Саид Мурсала перебрались в Сучан (Хицон) три поколения тому назад. Он, пир, представитель четвертого поколения. См.: Бобринской А. А. Секта исмаилья в русских и бухарских пределах Средней Азии. М., 1902.

41. Саид Ахмадшо переселился из Читрала в 1899 году. См.: там же.

42. По Григорьеву, Гавхарамон был сыном Саид Джафар Хана и внуком Саид Шах Хусайна. См.: Григорьев С. Е. К вопросу о родословной исмаилитских пиров Афганистана // Страны и народы Востока. Вып. XXX. Центральная Азия. Восточный Гиндукуш. СПб, 1998, с. 242–251.

43. Темурушохан был младшим братом Фаридуншо.

44. Темурушохан был пиром хазарейских исмаилитов Афганистана с 1908 по 1924 г. Его младший брат Надир-хан становится пиром после его смерти в 1925 г. См.: Григорьев, там же.

45. Генерал-лейтенант Повало-Швейковский, военный губернатор Ферганской области.

46. Этот эпизод приведен из исследования Громбчевского, которое было опубликовано в 1891 году. Следовательно, описанный эпизод относится к 1890 году, когда люди покидали свои села, спасаясь от афганцев. Аналогич-

ные эпизоды, но уже бегства от насилия эмирских чиновников можно встретить в докладных записках барона Черкасова в 1904 году.

47. Снесарев Андрей Евгеньевич (1865–1934) — военный теоретик, генерал-лейтенант русской армии и советский командарм, учёный-востоковед. В 1902–1903 гг. начальник Памирского отряда.

48. Барон А. А. Черкасов был дипломатом, в это время занимал должность секретаря Российского политического агентства в Бухаре.

49. Граф Алексей Алексеевич Бобринский (1861–1938) совершил эту поездку, как и предыдущие, по собственной инициативе и на свои средства. См. статью о нем в сб.: Проблемы общей и региональной этнографии. СПб. 2007, с. 132–154.

50. Эдуард Карлович Кивикэс (1866–1940), генерал-майор русской армии и финский генерал, был самым последовательным защитником прав таджиков Памира, прослужил там 9 лет, 7 из них в разные годы был начальником Хорогского отряда. Он стал фактическим основателем и первым благоустроителем будущего города Хорог, центра Горно-Бадахшанской автономной области. См. статью о нем в сб.: Памирская экспедиция. М.: ИВ РАН, 2006, с. 219–232.

51. Барон Черкасов летом 1904 года в своем докладе, сравнивая пира Саид Ахмад Шо с другими, выделил его особо и высоко оценил его человеческие качества: «...достоинейший шахдаринский пир Сеид-Ахмед-Ша, имеющий до 5000 домов муридов на Шах-Даре, в Афганском Вахане, Ишкашине и Читрале, получающий громадный по здешним местам доход, живет почти бедно, ибо все, что принимает от зажиточных муридов, отдает неимущим». В других сообщениях русских офицеров подчеркивается пророссийская ориентация этого пира. Поэтому кажется маловероятным причастность русских к смерти Саид Ахмад Шо. Во всяком случае, будущие исследователи должны дать более аргументированный ответ на этот вопрос.

52. Саид Махмуд Шо был младшим братом Саида Ахмада Шо. См.: Харюков Л. Н. Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм, с. 142. Эта книга составлена главным образом по чекистским документам, в том числе по протоколам допросов 1921 года, имеет изначально тенденциозный характер, и в ней приводятся всякие измышления 30-х годов. Однако обозначение родственных отношений между пирами представляются мне достоверными, поскольку автор использовал анкетные данные архива КГБ.

53. Ходжа Бадал был не внуком, а сыном Саида Ахмад Шо. См.: Харюков Л. Н. Там же, с. 143. Пир Ходжа Бадал был не арестован, а отравлен в 1932 году одним из своих муридов, возможно по заданию НКВД, ему было 32–35 лет. Его брат Саид Джалолидин Хусейн провел все поминальные ритуалы по покойному пиру и увез с собой его старшую дочь в Мунджон (Афганистан). У Ходжа Бадала в Тавдеме остались пятилетняя дочь Бибиджон и сын Саид Ахмадшо, который был арестован органами НКВД в 1940 году и погиб в тюрьме, ему было девятнадцать лет. Эти сведения были получены мною в ноябре 2007 года у Ходжабадала Шоджонзода, жителя Хорога, сына Бибиджон, внука пира Ходжа Бадал.

54. Нет фактов, подтверждающих претензии имама Ага-Хана на какие-либо территории, неясно так же, о каких княжествах идет речь. У имама Ага-Хана было естественное желание встретиться со своей паствой.

55. Русский дипломат Я. Я. Лютш занимал в это время должность Политического агента в Бухаре.

56. Англичане к началу XX века вместе с русскими старались укрепить договоренности 1895 года. Их отношения на высшем уровне имели достаточно конструктивный характер. Поэтому идеи о создании некоей самостоятельной «исмаилитской» административной единицы противоречили интересам двух империй. Подобные предположения, по-видимому, выдвигались местными агентами, которые строили свои выводы, опираясь на косвенные сообщения, а дипломаты, в данном случае барон Черкасов, доводили их до своего руководства с желанием активизировать российскую политику на Памире.

57. Н. Ф. Федоров не был участником этого совещания. Он умер за два года до этого.

58. Темурша и Темуршахан — возможно, это разные люди. Темуршахан, по утверждению автора, (с. 50) не был в родственных отношениях с Абдулгиясханом.

59. В другом месте автор говорит, что Саид Фаррухшо был отравлен в Ханабаре своим зятем сардаром Абдулладжаном, губернатором Каттагано-Бадахшанской провинции.

60. Шотемур, после отъезда Таричана Дьякова из Памира был назначен председателем Чрезвычайной Военно-Политической Тройки.

61. Нет сомнения в том, что именно военная экспедиция Дьякова заложила фундамент советской власти на Памире. Правы также советские историки, которые назвали Дьяковых «пламенными революционерами». Братья Алексей и Таричан Дьяковы родились в дворянской семье. Их отец, Михаил Александрович (1869–1920), был врачом-революционером, их дед Александр Николаевич (1835–1915), ученый-ботаник, был активным защитником крепостных крестьян. Их усадьба Луганово стала крупным революционным центром, где в 1903–1906 гг. действовала подпольная типография. Я много раз слышал от своего деда Кадамшо Додихудоева и его сверстников, служивших красноармейцами в отряде Дьякова, об аскетическом образе жизни своего командира, о его честности и прямоте, требовательности и справедливости. Дьяков Алексей Михайлович (1896–1974) — историк, индолог, профессор. Член РСДРП(б) с мая 1917. Окончил медицинский факультет 2-го Московского государственного университета (1921). В 1921–1922 годах служил военврачом на Памире, а в 1925 г. стал первым наркомом здравоохранения Таджикской АССР. В 1922–1924 годах активно защищал таджикские интересы, и он признан одним из активных участников рождения таджикской государственности. В своих воспоминаниях он писал: «Мой брат Таричан был моложе меня только на полтора года. В социал-демократические кружки он вступил еще во время учебы в училище... Таричан, человек весьма жесткий и крутой, самым тщательным образом отбирал личный состав отряда. Несмотря на то, что он бывал порою резок с людьми, эта черта искупалась справедливостью и большой требовательностью, прежде всего к самому себе... Я гимнастерку вместе с рубахой отдал нищему афганцу. Но за это по приказу Таричана отсидел на гауптвахте — “за разбазаривание пограничного имущества”». Другие участники экспедиции, Михаил Андреевич Аллахвердов, Федор Алексеевич Митрофанов, бывший политработник отряда Кузнецов, также рассказали мне о братьях в превосходной степени. Об одном из них А. М. Дьяков писал: «Миша Аллахвердов, заместитель Таричана по особому отделу, обладал врожденным тактом и умел хорошо ладить с самыми разными людьми, хорошо уравнивал такие недостатки в характере брата, как резкость и вспыльчивость. Он хорошо знал узбекский, а также несколько других восточных языков». История с пирами, как мне кажется, излишне драматизируется через призму страшных репрессий 30-х годов. В декабре 1921 года на восточном Памире были убиты 11 красноармейцев отряда Дьякова киргизскими басмачами во главе с Султанбеком, который после этого увел с собой в Китай большое число киргизов из близких ему родов. В результате длительных переговоров Султанбек был амнистирован

и вернулся со всеми своими беженцами на Памир. Этот случай свидетельствует, что «дело пиров» не единичное, когда Таричан Дьяков и Михаил Аллахвердов действовали гибко, применяя политические методы решения проблем.

Не следует забывать также, что в 1921 году, когда формировался отряд, Таричану не исполнилось еще 24 года, Шотемуру — 22, Алахвердову — 21, Алексею Дьякову — 26. Это были двадцатилетние ребята, идеалисты-романтики, которые строили новый мир, не подозревая, что вскоре станут его жертвами. Шириншо Шотемур был расстрелян 27 октября 1937 года по обвинению в участии в антисоветской националистической организации. Реабилитирован 11 августа 1956 года. Таричан Дьяков расстрелян 19 апреля 1939 года по обвинению в шпионаже и контрреволюционной деятельности. Реабилитирован 31 марта 1956 года.

62. Художественный фильм «Живой бог» был снят в 1934 году и выпущен на экраны страны в 1935 году. Режиссерами фильма были М. Вернер и Д. Васильев. Фильм не имел художественной ценности и мало известен профессиональным киноведам. Будучи заказным, он имел откровенную антиисмаилитскую направленность.

63. Шотемур Шириншо (1899–1937), партийный и государственный деятель. Перед арестом занимал должность председателя ЦИК Таджикской ССР, был членом Президиума ЦИК СССР. В 2006 году Шириншо Шотемуру посмертно присвоено звание Героя Таджикистана.

64. Ага-Хан III, будучи председателем Лиги Наций, пытался добиться мирного урегулирования предвоенных конфликтов в Европе. С этой целью он встретился с Гитлером в октябре 1937 года. См.: Плеханов С. Раскрытая ладонь. Ага Хан и его мюриды. М., 2006. с. 115.

65. Свастика является древним традиционным орнаментом таджиков верховьев Амударьи. См.: А. А. Бобринской. Орнаменты Горного Дарваза. М., 1902.

66. В самом начале 60-х годов таджикский ученый-востоковед Мухаммадвафо Бакоев ездил в Индию с целью изучения творчества индийского поэта Амир Хусрав Дехлави. Он привез из этой поездки фотографии нового Имама Времени и буклеты о нем.

67. В начале 70-х годов Худоназар Мамадназаров, председатель горисполкома г. Душанбе, участвовал в работе конференции городов-побратимов в Найроби, столице Кении. Во время этой поездки он посетил госпиталь и школы

Ага Хана, побывал в исмаилитском Центре, а также в доме, где в годы Второй мировой войны жили будущий имам и его брат принц Амин, встретился с господином Аббаси Пирибай, председателем Высшего совета исмаилитской общины.

68. Д-р Раджпут не имел полномочия личного представителя Имама. Поездка эта была предпринята по его собственной инициативе, он приехал в Таджикистан с Саид Мансуром Нодири; возможно, потом они направились в Афганистан через Нижний Пяндж.

69. В конце января 1991 года я, будучи председателем Союза кинематографистов СССР, находился в Париже по приглашению министерства культуры Франции. 31 января 1991 года встретился с представителем Секретариата Ага-Хана, которому я рассказал об исмаилитах Таджикистана. В конце марта того же года, возглавив делегацию советских кинематографистов, я принял участие в открытии Дней среднеазиатских фильмов в культурном Центре имени Помпиду, в Париже. 26 марта встретился с Мохаммедом Кешавджи, ответственным сотрудником Секретариата Ага-Хана. В начале лета 1991 года по моему приглашению в Москву приехала группа из лондонского Института по изучению исмаилизма (ИИИ) во главе с д-р Рафиком Кешавджи, в нее входили д-р Раджпут и Саиджалал Бадахшани, который заведовал тогда библиотекой ИИИ. Они находились в Москве два дня, а потом отправились в Таджикистан для знакомства с культурным наследием таджикских исмаилитов.

70. Первое приглашение имаму Ага Хану посетить Таджикистан было направлено по дипломатической почте летом 1991 года после моих переговоров с президентом Таджикистана Кахаром Махкамовым. Документ был подписан министром иностранных дел Таджикской ССР Лакимом Каюмовым от имени таджикского правительства. Второе приглашение от имени таджикского правительства было вручено Иمامу Ага-Хану мною 1 сентября 1992 года в Англо-монте, во Франции.

автор комментариев — Д. Худоназаров

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Абаева Т. Г. Исследования А. В. Станишевского (Азиза Ниалло) о Памире. — Страны и народы Востока, вып. XVI. Памир. М., 1972, с. 262–291.
2. Абаева Т. Г. Памиро-Гиндукушский регион Афганистана в конце XIX — нач. XX века (очерк истории). Ташкент, 1987.
3. Абдурахманхан. Тадж-ат-таворих. Бомбей, 1322.
4. Автобиография Абдурахман-хана, эмира Афганистана. Пер. с англ. М. Грулева, т. 1. СПб, 1901.
5. Александрович. Рекогносцировка Шугнана в 1894 г. Туркестанские ведомости, июль 1895. № 50.
6. Андреев М. С. Таджики долины Хуфа (Верховья Аму Дарьи). Вып. I. Сталинабад, 1953.
7. Асоев А. Ахамияти атеистии танкиди исмоилия. Душанбе, 1978.
8. Бакоев М. В поисках восточных рукописей. — Народы Азии и Африки, М., 1962, № 3., с. 238–239.
9. Бакоев М. Новые находки на Памире. — Народы Азии и Африки, М., 1963, № 4, с. 236–237.
10. Бартольд В. В. Работы по исторической географии. — Бартольд В. В. Сочинения, т. IV. М., 1965, с. 343–346.
11. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Бартольд В. В. Сочинения, т. I. М., 1963.
12. Бертельс А. Е. Насири Хусрав и исмаилизм. М., 1959.
13. Бертельс А. Е. Находки рукописей на Памире. — Народы Азии и Африки, М., 1961, № 2, с. 234–236.
14. Блохин Л. И. Чекисты огненных лет. Душанбе, 1968.
15. Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа. М., 1908.
16. Бобринский А. А. Секта исмаилья в русских и бухарских пределах Средней Азии (географическое распространение и организация). М., 1902.

17. Бокиев О. Завоевание и присоединение северного Таджикистана, Памира и Горного Бадахшана к России. Душанбе, 1994.
18. Гаврилюк А., Ярошенко В. Памир. Фотоальбом. М., 1987.
19. Григорьев С. Е. К вопросу о родословной исмаилитских пиров Афганистана. — Страны и народы Востока. Вып. XXX Центральная Азия. Восточный Гиндукуш. СПб, 1998, с. 242–251.
20. Громбчевский Б. Л. Военно-политический очерк. Новый Маргелан, 1891.
21. Давлатбеков Н. Освещение исмаилизма на Памире в трудах русских дореволюционных исследователей. Душанбе, 1995.
22. Давудов И. Земной рай Ага-Хана. — Наука и религия, 1966, № 12, с. 48–49.
23. Додихудоев Х. Д. Очерки философии исмаилизма. Общая характеристика философской доктрины X–XIV вв. Душанбе, 1976.
24. Додихудоев Х. Философия крестьянского бунта. Душанбе, 1989.
25. Иванов Д. Л. Шугнан. Афганские очерки. Подготовил к печати Х. Курбонов. — Памир, 1993, № 1–2, с. 156–187; № 3–4, с. 109–151.
26. Искандаров Б. И. Англо-русское разграничение 1872–1873 гг. — В сб.: Вопросы истории Таджикистана. Ученые записки, т. XXVI, серия общественных наук, вып. 4. Сталинабад, 1961, с. 84–103.
27. Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Часть I. — Труды института истории им. Ахмада Дониша АН Таджикской ССР. Душанбе, 1962.
28. Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Часть II. Душанбе, 1963.
29. Искандаров Б. И. Из истории дореволюционного Таджикистана. Душанбе, 1974.
30. Искандаров Б. И. Социально-экономические и политические аспекты истории Памирских княжеств. Душанбе, 1983.
31. Ислам в Восточной, Центральной и Южной Африке. Сб. статей. М., 1991.
32. Ислам и социальные структуры стран Ближнего и Среднего Востока. Сб. статей. М., 1990.

33. Климович Л. И. Ислам. Очерки, М., 1962.
34. Крыша мира. Сб. статей. Сост. А. Одинцов и Б. Пшеничный. Душанбе, 1965.
35. Кушкеки Бурхануддин. Каттаган и Бадахшан. Ташкент, 1926.
36. Лапин В. Памирский пограничный отряд. — В сб.: Крыша мира. Душанбе, 1965, с. 17–25.
37. Левин С. Финансовая империя Ага-Хана IV. Наука и религия, 1971, №8, с. 58–60.
38. Логофет Д. Н. В горах и равнинах Бухары (очерк Средней Азии). СПб, 1913.
39. Лужецкая Н. Л. Очерки истории Восточного Гиндукуша во второй половине XIX в. М., 1986.
40. Лужецкая Н. Л. Родословная правителей Хунзы, Нагара и Гилгита Мухаммада Гани-хана. — В сб.: Страны и народы Востока, вып. XXX. Центральная Азия. Восточный Гиндукуш. СПб, 1998, с. 300–310.
41. Маджидов Р. М. Преодоление религиозности в условиях перехода к социализму, минуя капитализм (на материалах Таджикистана). Душанбе, 1973.
42. Малышева Д. Б. Исмаилиты. — Вопросы истории, 1977, № 2, с. 138–149.
43. Маллицкий Н. Надпись из Рушана. — Туркестанские ведомости, март, 1905, № 6.
44. Минаев И. П. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб, 1879.
45. Можейко И. В. Хозяин замка Аламут и его наследники. — Наука и религия, 1984, № 7, с. 59–64.
46. Муборакшохзода С. Х. Таърихи мулки Шугнон. Хоруг, 1992.
47. Мухиддинов И. Реликты доисламских обычаев и обрядов у земледельцев Западного Памира (XIX — нач. XX в.) Душанбе, 1989.
48. Мухтаров А., Шарипов Ш. Академик Бабаджан Гафуров. Душанбе, 1989.
49. Надиршах Каёни. Таърихи гариб. Бамбей, 1359.
50. Назаров Х. Народные и просветительские антифеодальные движения в Афганистане (конец XIX — нач. XX в.). Душанбе, 1944.

51. Назаров Х. Социальные движения 20-х годов XX в. в Афганистане. Душанбе, 1989.
52. Назаршоев М. Ленинским курсом. — В сб.: Крыша мира. Душанбе, 1965, с. V–X.
53. Назаршоев М. Партийная организация Памира в борьбе за социализм и коммунизм. Душанбе, 1970.
54. Назаршоев М. Социально-экономическое положение дореволюционного Памира (для служебного пользования). Душанбе, 1975.
55. Об исмаилизме (для служебного пользования). Отдел пропаганды и агитации ЦК КП(б) Таджикистана. Сталинабад, 1943.
56. Областной архив ГБАО (копии архивных документов, взятых из ЦГА Уз. ССР). Фонд 25, опись 3, единица хранения 2.
57. Областной архив ГБАО. Фонд 25, опись 3, дело 19.
58. Областной архив ГБАО. Фонд 25, опись 3, единица хранения 2.
59. Областной архив ГБАО. Фонд 2, опись 57, единица хранения 65.
60. Областной архив ГБАО. Фонд 2, опись 57, единица хранения 75.
61. Одилбекова Р. Источники по социально-экономической истории Памира в конце XVII — нач. XX в. — ж. «Известия АН Таджикской ССР». Отделение общественных наук. Душанбе, 1974, № (78), с. 102–106.
62. Одилбекова Р. Материалы к истории Шугнана (конец XVIII–XIX вв.). — Известия АН Таджикской ССР. Отделение общественных наук. Душанбе, 1975, № 1 (79), с. 3–17.
63. Партархив Горно-Бадахшанского обкома КП Таджикистана. Фонд 2, опись 57, единица хранения 65.
64. Прошин С. Очерк истории таджикского художественного кино. Сталинабад, 1960.
65. Путешествие Регеля в Шугнан. — Туркестанские ведомости, 1884, № 17.
66. Религия и общественная мысль стран Востока. Сб. статей. Отв. ред. акад. Б. Г. Гафуров. М., 1974.
67. Саидфаррухшохозода Саид Казем, Саидмурсалзода Шохном. Воззвание к исмаилитам и ко всем мусульманам мира. Ташкент, 1944.

68. Сборник документов по истории Памира (1883–1931 гг.).
69. Семенов А. А. Из области воззрения шугнанских исмаилитов. — Мир ислама, 1912, т. 1, № 1.
70. Семенов А. А. Исмаилитский панегирик, обожествляемому Алию Федаи Хоросанскому. — В сб.: Иран, III.
71. Снесарев А. Е. Афганистан. М., 1921.
72. «Силк-и Гухаррез» — рукопись Института востоковедения и письменного наследия АН Республики Таджикистан. Инв. № 1961/12. № 198.
73. Тарихи Бадахшан (История Бадахшана). Фотографическая репродукция рукописного текста, введение, указатели. Подготовил к изданию А. И. Болдырев. Л., 1959.
- 74, 75 «Таърихи Бадахшон» Курбон Мучаммадзода Охон Сулаймон и Шахфутура Мухаббатшозода. Издание текста, примечания и указатель А. А. Егани. Предисловие Б. И. Искандарова. М., 1976.
76. Тухтаметов Т. Г. Антирусские происки иностранцев в Бухаре и на Памире. Политические течения в эмирате. — В сб.: Вопросы истории Таджикистана. Ученые записки. Т. XXVI. Серия общест. наук, вып. 4. Сталинабад, 1961, с. 140–177.
77. Усмонов М. А. Исмаилизм в Афганистане (историко-этнографическое исследование). Автореферат на соискание уч. степени канд. историч. наук. СПб, 1996.
78. Федоров Н. Ф. Сочинение. Под. ред. А. В. Гульги. Вступительная статья, примечание и составление С. Г. Семеновой. М., 1982.
79. Федченко Б. А. Письма с дороги (Памир и Шугнан). 1904 г. СПб, 1905.
80. Федченко Б. А. Шугнан. Географические и ботанические результаты путешествий в 1901 г. и в 1904 г. Ч. 1. СПб, 1909.
81. Халили Халилулах. Юмган. Кабул, 1959.
82. Халфин Н. А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире (конец XIX — начало XX в.) М., 1975.
83. Харюков Л. Н. Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. М.: МГУ, 1995.

84. ЦГА Уз.ССР. Фонд И-2, опись 2, дело 205.
85. ЦГА Уз.ССР, Фонд И-2, опись 2, дело 226.
86. ЦГА Уз.ССР, Фонд И-2, опись 2, дело 229.
87. ЦГА Уз.ССР. Фонд И-3, опись 2, дело 77.
88. ЦГА Уз.ССР. Фонд И-3, опись 2, дело 97.
89. ЦГА Уз.ССР. Фонд И-3, опись 2, дело 101.
90. ЦГА Уз.ССР. Фонд И-3, опись 2, дело 103.
91. ЦГА Уз.ССР. Фонд И-2, опись 2, дело 111.
92. ЦГАУз.ССР. Фонд И-2, опись 2, дело 176.
93. ЦГА Уз.ССР. Фонд И-2, опись 2, дело 198.
94. ЦГА Уз.ССР. Фонд И-17, опись 1, дело 360.
95. ЦГА Уз.ССР. Фонд И-767, опись 1, дело 5.
96. ЦГА Уз. ССР. Фонд И-767, опись 1, дело 13.
97. ЦГА Уз.ССР. Фонд Р-17, опись 3, дело 19.
98. ЦГВИА. Фонд ВУА, опись I, дело 82.
99. ЦГВИА. Фонд ВУА, опись 1, дело 118.
100. ЦГВИА. Фонд ВУА, опись 1, дело 121.
101. ЦГВИА. Фонд ВУА, опись 1, дело 388.
102. Шохуморов А. Памир — страна ариев. Душанбе, 1997.
103. Шохуморов А. Тарзи даъвати фотими ва пешвоёни барҷастаи мазхаби исмоилия. — В сб.: Доноёе Иомган. Кабул, 1988, с. 142–156.
104. Шишов А. Таджики. Этнографическое и антропологическое исследование. Ч. 1. Ташкент, 1910.
105. Эльчибеков К. Исторические источники в Бадахшане. — Известия АН Тадж. ССР. Отделение обществ. наук. 1975, № 1 (79), с. 27–31.
106. Эльчибеков К. Новые материалы по истории Шугнана. — Известия АН Тадж. ССР. Отделение обществ. наук. 1973, № 2 (72), с. 3–11.

107. Эльчибеков Кудрат. Общие религиозно-философские и фольклорно-мифологические обоснования духовенства в суфизме и исмаилизме. — В сб.: Религия и общественная мысль стран Востока. Под. ред. Б.Г. Гафурова. М., 1974, с. 299–319.

108. Шохуморов А. Священная лампада. — В сб.: Носири Хусрав: дируз, имруз, фардо. Хучанд, 2005, с. 656–670.

Научное издание

Шохуморов Абусаид
Разделение Бадхшана
и судьбы исмаилизма

Корректор *М. Я. Колесник*
Компьютерная верстка *А. В. Ельцева*

Изд. лиц. ИД № 04697 от 28.04.2001

Подписано в печать 28.09.2008
Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 8. Уч.-изд. л. 5
Тираж 500 экз.

Институт востоковедения РАН
107031, Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Зайцев